

ЛИНВУД

БАРКЛИ

НЕ ОБЕЩАЙ

БЕСТСЕЛЛЕР «NEW YORK TIMES»!

НИЧЕГО

Annotation

Дэвид Харвуд, вернувшись в родной провинциальный городок Промис-Фоллз, узнал, что его кузина Марла тайно воспитывает ребенка, которого однажды утром принесла ей загадочная женщина в белом. Но вскоре выяснилось, что этот малыш — сын убитой в своем же доме Розмари Гейнор. А Марлу, в чью историю про женщину в белом никто не поверил, полиция обвинила в убийстве...

Пытаясь спасти кузину, Дэвид начинает собственное расследование и вскоре понимает, что смерть Розмари и появление загадочной женщины в белом — звенья целой цепи зловещих событий.

Все больше доказательств того, что кто-то решил заставить жителей городка заплатить за грехи и тайны прошлого... кровью.

Линвуд Баркли

Не обещай ничего

Linwood Barclay
BROKEN PROMISE

Печатается с разрешения NJSB Entertainment, Inc и литературных агентств The Helen Heller Agency и The Marsh Agency Ltd.

Серия «Криминальные романы Линвуда Баркли»

© Linwood Barclay, 2015

© Перевод. А. А. Соколов, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

* * *

Посвящается Ните

Глава 1

Я ненавижу этот город.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Дэвид

В тот день, когда разверзся ад, я проснулся около пяти утра и лежал в постели, размышляя, что в сорок один год привело меня сюда, в дом моего детства.

Да, комната слегка изменилась с тех пор, когда почти двадцать лет назад я отсюда уехал. На голубых в полоску обоях больше не висел плакат с изображением «феррари», и с комода исчезла модель космического корабля «Энтерпрайз», которую я смастерил из набора конструктора, — янтарные капли застывшего клея так и остались на корпусе игрушки. Но комод был все тот же. И обои те же. И односпальная кровать та же самая. Конечно, я гостил в доме родителей по несколько раз в году и ночевал в этой комнате. Но вернуться в этот дом насовсем? И жить здесь со своим сыном Итаном?

Черт! Что за идиотские обстоятельства? Как до такого могло дойти?

Не то чтобы я не знал ответа на этот вопрос. Ответ был непростым, но я его знал.

Падение началось пять лет назад, когда умерла моя жена Джан. Печальная история и не из тех, которые хотелось бы без конца пережевывать. Миновало полдесятилетия, и, хочешь не хочешь, многое приходилось выбрасывать из памяти и оставлять в прошлом.

Я привык к положению отца-одиночки. Самостоятельно воспитывал Итана, которому теперь девять лет. Не собираюсь себя героизировать, просто хочу объяснить, как развивались события.

Я решил дать и себе, и Итану шанс начать все с нуля и, бросив работу репортера в «Промис-Фоллс-Стандард» — поступок не потребовал особенных усилий, поскольку руководство газеты не проявляло ни малейшего интереса к серьезному освещению новостей, — устроился в редакцию «Бостон глоб». Мне предложили больше денег, и для Итана в Бостоне была масса возможностей: детский музей, аквариум, исторический музей «Фэнл-холл» на рыночной площади, бейсбольная команда «Красные носки», хоккейная команда «Бостонские мишки». Может быть, для мальчика и его отца где-нибудь и есть место лучше этого, но мне такое неизвестно. Однако...

Всегда существует какое-нибудь «однако».

Как редактор я был занят главным образом по вечерам, после того как репортеры сдавали свои материалы. Мог проводить Итана в школу и, поскольку до трех или четырех дня мое присутствие в газете не требовалось, иногда заезжал за ним, чтобы вместе пообедать. Но это означало, что по вечерам мне ужинать с сыном не удавалось. Я не мог проследить, чтобы Итан уделял больше времени урокам, а не видеоиграм. Отогнуть от экрана, чтобы не смотрел бесконечные серии «Утиной династии», ролики про пустоголовых жен таких же пустоголовых спортсменов и все, что преподносят торжествующая американская невежественность и презренное американское излишество. Но больше всего тревожило, что меня попросту не бывало дома, потому что отцовство в том, что, когда нужен ребенку, ты всегда рядом, а не на работе.

С кем было Итану поделиться, если он запал на какую-нибудь девчонку — в девять лет, конечно, вряд ли такое могло случиться, но кто знает? — или в восемь вечера потребовалось посоветоваться, как разобраться с обидчиком? Спрашивать миссис Танаку? Милейшую женщину — никто не спорит, — которая после смерти мужа зарабатывала себе на жизнь

тем, что пять вечеров в неделю присматривала за моим парнем. Но миссис Танака — плохой советчик, если речь заходит о математике. Она не подпрыгивает с Итаном от восторга, если «Мишки» в дополнительное время выходят вперед. И ее очень трудно убедить взять пульт и погонять машинку, пытаясь заработать виртуальный Гран-при в одной из его видеоигр.

Когда я устало переступаю порог — обычно это случается между одиннадцатью часами вечера и полуночью и, заметьте, после того, как газета отправлена в печать, я никуда не захожу выпить, потому что знаю, что миссис Танака спешит домой, — Итан, как правило, спит. Приходится бороться с желанием его разбудить, спросить, как прошел день, что он ел на ужин, не возникло ли трудностей с домашним заданием и что смотрел по телевизору.

Сколько раз я валился в постель с ноющей душой! Говорил себе, что я плохой отец. В который раз задавал вопрос: не совершил ли глупость, покинув Промис-Фоллс? Да, «Глоб» — газета лучше, чем «Стандард». Но мой дополнительный заработок частично оседал на счету миссис Танаки, а остальное съедала высокая ежемесячная арендная плата.

Родители предлагали переехать в Бостон, чтобы помогать мне, но я этого не хотел. Моему отцу Дону перевалило за семьдесят, мать Арлин была всего на пару лет моложе его. Я не собирался срывать их с места, особенно после того, как отец недавно, напугав нас всех, перенес легкий инфаркт. С тех пор он успел оправиться, восстановил силы, принимает лекарства, но переезд ему совершенно ни к чему. Может, когда-нибудь они переедут в специальный дом для престарелых в Промис-Фоллс, если станут не в силах заботиться о теперешнем, слишком большом для них жилище. Но не в большой город за двести миль, куда добираться не меньше трех часов, если на дороге сильное движение.

Поэтому, узнав, что «Стандард» требуется репортер, я зажал в кулак гордость и позвонил.

Когда я говорил главному редактору, что хочу вернуться, ощущение было таким, будто я объелся чипсами.

Удивительно, что вакансия вообще была. По мере того как прибыль уменьшалась, «Стандард», как все газеты, урезала, где возможно. Если человек уходил, на его место никого не брали. Дошло до того, что редакция «Стандард» сократилась до полудюжины сотрудников, куда входили и репортеры, и редакторы, и фотографы. (Теперь многие репортеры работали «на два фронта» — и писали, и снимали. Хотя на самом деле не на два, а на много фронтов, поскольку им приходилось формировать подкаст, общаться в Твиттере, заниматься сетевым изданием и многим другим. Недалеко то время, когда придется разносить газету по домам тем немногочисленным подписчикам, которые еще хотят читать новости в традиционном бумажном виде.) Два человека ушли из редакции на одной неделе, и оба решили испытать себя на поприще, никак не связанном с журналистикой. Один окунулся в сферу связей с общественностью — оказался на «темной стороне», как я некогда об этом думал. Другой подался в помощники к ветеринару. Газета лишилась возможности освещать городские события пусть даже так плохо, как обычно (недаром же ее прозвали «Некондицией»).

Я понимал, что возвращаюсь в паршивое место. Настоящей журналистикой в этой редакции не пахло. Требовалось просто заполнять пространство между рекламой. И хорошо, если реклама продолжит поступать. Я буду строчить материалы и переписывать пресс-релизы со скоростью, на которую способны мои бегающие по клавиатуре пальцы.

Привлекало то, что работа в «Стандард» в основном дневная. Я получу возможность проводить больше времени с Итаном, а если придется задерживаться, за сыном присмотрят

его безмерно любящие бабушка с дедушкой.

Главный редактор «Стандард» предложил мне работу. Я подал в «Глоб» заявление об уходе и, оповестив об отъезде хозяина жилья, двинулся в путь назад, к истокам. В Промис-Фоллс остановился у родителей, но считал их дом всего лишь временным пристанищем. Теперь стояла задача найти дом для нас с Итаном. В Бостоне я мог осилить только съемную квартиру. Здесь, поскольку арендная плата стремительно падала, рассчитывал на настоящий дом.

Но в час пятнадцать в понедельник, в первый день моей работы в «Стандард», все полетело в тартарары.

Я возвратился после интервью с людьми, которые требовали устроить на загруженной улице пешеходный переход, пока кто-нибудь из их детей не попал под машину, когда в редакционную комнату вошла издатель Мадлин Плимптон.

— У меня объявление, — заявила она, при этом слова застревали у нее в горле. — Завтра наше издание не выйдет.

Это показалось странным, так как следующий день не был праздничным.

— И послезавтра тоже, — продолжала Плимптон. — С чувством глубокой печали сообщаю, что «Стандард» закрывается.

Она говорила что-то еще. О рентабельности и последствиях ее отсутствия. О сокращении объема рекламы, особенно тематической, о снижении доли на рынке бумажных изданий, о сужении читательского круга. О невозможности выработать жизнеспособную бизнес-модель.

Наплела еще кучу всякого дерьма.

Кое-кто из сотрудников расплакался. По щеке Плимптон тоже скатилась слеза, которая, придется принять на веру, была, возможно, искренней.

Я не разревелся — слишком разозлился. Ушел из «Глоб», отказался от приличной, хорошо оплачиваемой работы, чтобы вернуться сюда. И вот тебе на! Проходя мимо оторопевшего главного редактора, того самого, кто принял меня в редакцию, бросил:

— Хорошо быть в кругу посвященных.

Оказавшись на тротуаре, я тут же достал мобильник и позвонил моему бывшему главному редактору в «Глоб».

— Мое место еще не занято? Можно, я вернусь?

— Мы решили его не занимать, Дэвид, — ответил тот. — Извини.

Так я оказался жильцом у своих родителей.

Ни жены.

Ни работы. Ни перспектив.

Неудачник.

Семь часов — пора вставать, наскоро принять душ, разбудить Итана и подготовить к школе.

Я открыл дверь в его комнату — раньше здесь занималась шитьем мама, но перед нашим приездом убрала свои вещи.

— Эй, парень, пора вставать!

Итан не пошевелился. Он весь закутался в одеяло, наружу торчали лишь спутанные на макушке светлые волосы.

— Подъем! Ну-ка, живо!

Сын пошевелился и сдвинул покрывало ровно настолько, чтобы взглянуть на меня.

— Я плохо себя чувствую, — прошептал он. — Думаю, что не смогу пойти в школу.

Я приблизился к кровати, наклонился и потрогал его лоб.

— Не горячий.

— Что-то с желудком.

— Как третьего дня? — Итан кивнул. — Но тогда оказалось, что с тобой все в порядке, — напомнил я.

— Сейчас, кажется, по-другому. — Он тихонько застонал.

— Встань, оденься, тогда посмотрим, как ты будешь себя ощущать. — В последнюю пару недель это стало обычным делом: нездоровилось ему только по будням, а в выходные он свободно мог умять четыре хот-дога за десять минут и был энергичнее всех остальных в доме, вместе взятых. Итан просто не хотел идти в школу, и я до сих пор не сумел у него выведать почему.

Мои родители свято верят: если задержаться в постели после пяти тридцати утра — значит проспять все на свете. Пока я лежал, глядя в темный потолок, слышал, как они встают. И теперь, когда вошел на кухню, родители еще находились там, к тому времени оба позавтракали, и отец, приканчивая четвертую чашку кофе, пытался разобраться с планшетом, который ему купила мать, когда по утрам перестали приносить к их дверям «Стандард».

Он колотил по экрану указательным пальцем с такой силой, что мог свободно выбить устройство из корпуса.

— Ради бога, Дон, — увещевала мать. — Твоя задача не в том, чтобы расшибить экран. Надо нажимать аккуратно.

— Ненавижу эту штуковину, — отозвался отец. — Все вертится, крутится.

Увидев меня, мать заговорила самым веселым тоном, который включала, когда дела шли не очень гладко:

— Привет. Нормально спал?

— Прекрасно, — солгал я.

— Я только что заварила свежий кофе. Выпьешь чашечку?

— Не прочь.

— Дэвид, я тебе говорила о той девушке — кассирше из аптеки «Уолгрин»? Как же ее зовут? Ладно, потом вспомню. Такая маленькая, хорошенькая. Недавно разошлась с мужем.

— Мама, пожалуйста, не начинай.

Она постоянно приглядывалась к соседкам — пыталась кого-нибудь мне подыскать. И любила повторять: «Пора обустроить жизнь. Итану нужна мать». То и дело напоминала: «Довольно, погоревал, и будет».

А я не горевал.

За последние пять лет встречался с шестью разными женщинами. С одной из них спал. Так-то вот. Уход Джан и обстоятельства ее смерти превратили меня в противника устойчивых отношений. Маме следовало бы это понять.

— Я только хотела сказать, — не унималась она, — что эта девушка не отказалась бы, если бы ты пригласил ее на свидание. Давай сходим вместе в аптеку, я тебе ее покажу.

— Ради бога, Арлин, оставь его в покое! — возмутился отец. — Ты подумай: твой сын безработный и с ребенком. Не больно перспективный кадр.

— Рад, что ты на моей стороне, папа, — кивнул я.

Он поморщился и снова принялся тыкать пальцем в планшет.

— Можешь мне поведать, какого дьявола нам не приносят настоящую, будь она проклята, газету? Ведь есть же люди, которым нравится читать то, что написано на бумаге!

— Они все старики, — заметила мать.

— У стариков тоже есть право знакомиться с новостями, — буркнул отец.

Открыв холодильник, я копался внутри, пока не наткнулся на любимый йогурт Итана и банку с клубничным джемом. Поставил их на стол и принес из шкафа кукурузные хлопья.

— Больше не могут зарабатывать деньги, — объясняла отцу мать. — Вся реклама и объявления отправились на Крейглист и Кижжижи^[1]. Я правильно говорю, Дэвид?

— Мм... — протянул я, насыпая в мисочку «Чериоуз», потому что ждал, что Итан вот-вот спустится. Молоко решил налить, когда он появится на кухне, и подсластить двумя ложками клубничного йогурта. А пока опустил в тостер два ломтика белого хлеба «Уандербред» — единственный сорт, который покупают мои родители.

— Я только что заварила свежий кофе. Хочешь чашечку? — спросила мать.

Отец поднял голову.

— Ты меня только что спрашивала, — напомнил я.

— Ничего подобного, — отрезал отец.

Я повернулся к нему:

— Пять секунд назад.

— В таком случае, — в его голосе появилась желчь, — тебе следовало сразу ответить, чтобы ей не пришлось задавать вопрос во второй раз.

Прежде чем я сумел что-либо сказать, мать отшутилась:

— Я бы и голову свою где-нибудь позабыла, если бы она легко снималась.

— Неправда! — возразил отец.

— Но ведь это я потеряла твой чертов бумажник. И пришлось потратить уйму времени, чтобы восстановить все, что в нем лежало. — Мать налила кофе и с улыбкой подала мне.

— Спасибо, мама. — Я чмокнул ее в сморщенную щеку, а отец возобновил сражение с планшетом.

— Я хотела спросить, у тебя сегодня на утро ничего нет?

— А что? Что-нибудь намечается?

— Просто решила узнать, нет ли каких-нибудь собеседований насчет работы, чтобы не помешать.

— Мама, давай, колись, что у тебя на уме?

— Я не собираюсь навязываться, если только ты совершенно свободен...

— Да рожай же наконец!

— Не разговаривай так с матерью! — возмутился отец.

— Я сама бы все сделала, но если ты все равно будешь в городе... Мне надо кое-что передать Марле.

Марла Пикенс — моя кузина, младше меня на десять лет. Дочь Агнессы, сестры моей матери.

— Конечно, передам.

— Я приготовила чили, и получилось много лишнего. Я все заморозила и, поскольку знаю, что Марла любит мое чили, расфасовала по порционным коробочкам. И добавила кое-что еще — полуфабрикаты от «Стоуфферс». Еда, конечно, не такая вкусная, как домашняя, но все равно. Думаю, девочка плохо питается. Не мне осуждать, но у меня такое ощущение, что Агнесса к ней редко заглядывает. К тому же будет лучше, если навестишь ее ты, а то все мы

да мы — старики. Ты ей всегда нравился.

— Хорошо.

— С тех пор как случилась та история с ребенком, она не совсем в порядке.

— Знаю. Все сделаю. — Я открыл холодильник. — У тебя есть вода в бутылках, подать Итану на завтрак?

— Ха! — возмущенно фыркнул отец. Можно было предвидеть его реакцию и не соваться со своими вопросами. — Вода в бутылках — самое большое в мире жульничество. Вполне подходит и та, что течет из крана. Наша водопроводная в полном порядке, уж я-то это знаю точно. За воду в бутылках платят одни простофили. Еще немного, и вас заставят покупать воздух. Помнишь время, когда не платили за телевидение? Ставишь антенну и смотришь за так. А теперь изволь раскошелиться за кабельное. Это такой способ наживы: заставлять людей выкладывать денежки за то, чем они раньше пользовались даром.

Мать пропустила ворчание отца мимо ушей.

— Марла слишком много времени проводит дома одна, ей надо почаще выходить, отвлекать мысли от того, что случилось с...

— Мама, я же сказал, что все сделаю.

— Я хочу сказать, — в ее голосе впервые появились резкие нотки, — что нам всем нужно напрячься и постараться ей помочь.

— Прошло десять месяцев, Арлин, — буркнул отец, не отрывая глаз от экрана. — Пора приходить в себя.

— Будто это так просто, Дон, — вздохнула мать. — Переступила и пошла дальше. У тебя на все один рецепт: проехали.

— Если хочешь знать мое мнение — у нее не все ладно с головой. — Отец поднял на нее взгляд. — Кофе еще остался?

— Я только что сказала, что заварила целый кофейник. Кто же из вас не слушает? — Мать, как будто что-то вспомнив, повернулась ко мне: — Когда приедешь к ней, не забудь себя назвать. Ей так будет легче.

— Я помню, мама.

— Я вижу, хлопья у тебя проскочили на ура, — сказал я сыну, когда мы сели в машину.

Итан едва плелся за мной, нарочно спотыкаясь — все еще надеялся, что я поверю, будто он болен. Поэтому я решил подвезти его до школы, а не заставлять топтать пешком.

— Вроде бы.

— Что-то не так?

— Все так.

— С учителями нет проблем?

— Нет.

— С друзьями?

— У меня нет друзей. — Он произнес это, не глядя на меня.

— Знаю, чтобы освоиться в новой школе, требуется время. Но разве не осталось ребят, с которыми ты был знаком до того, как мы уехали в Бостон?

— Большинство из них в другом классе, — ответил сын. И продолжал с оттенком осуждения в голосе: — Если бы мы не уезжали в Бостон, я, наверное, учился бы с ними в одном классе. — Он поднял на меня глаза. — Мы можем вернуться обратно?

Его вопрос меня удивил. Он снова хочет оказаться в ситуации, когда я не смогу

проводить с ним вечера? Когда он почти не встречается с бабушкой и дедушкой?

— Вряд ли.

Молчание. И через несколько секунд еще один вопрос:

— Когда у нас будет свой дом?

— Мне надо сначала найти работу, малыш.

— Я смотрю, папа, ты в совершеннейшей заднице.

Я метнул на него взгляд. Сын не отвел глаз — наверное, хотел проверить, насколько я потрясен.

— Осторожнее, Итан. Приучишься говорить такое при мне, забудешься, и вырвется при бабе. — Бабушку и дедушку сын всегда называл баба и деда.

— Это слова деды. Когда перестали делать газету, после того как мы сюда переехали, он сказал бабе, что ты в совершеннейшей заднице.

— Пусть так, я в заднице. Но не один. Уволили всех. Я подыскиваю себе место. Все равно какое.

В словаре одним из определений слова «стыд» вполне могло бы быть такое: «Обсуждение с девятилетним сыном ситуации с устройством на работу».

— Меня совсем не грело каждый вечер оставаться с миссис Танакой, но когда я ходил в школу в Бостоне, меня никто...

— Что никто?

— Ничего. — Итан несколько секунд помолчал, затем продолжил: — Знаешь коробку со старым барахлом у деды в подвале?

— У него весь подвал завален всякой рухлядью. — Я чуть не добавил: «И ее становится еще больше, когда мой папаша туда спускается».

— Ну, такую коробку из-под обуви, в которой лежат вещи его отца, моего прадедушки? Всякие там медали, нашивки, старые часы и все такое прочее.

— Да, я помню коробку, о которой ты говоришь. И что с ней такое?

— Как ты считаешь, деда ее каждый день проверяет?

Я подрулил к тротуару за полквартила до школы.

— Черт возьми, ты о чем?

— Не важно. — Сын потупился. — Не имеет значения. — Не сказав «до свидания», он с трудом вылез из машины и походкой зомби поплелся к школе.

Марла Пикенс жила в маленьком одноэтажном доме на Черри-стрит. Насколько я знал, он был собственностью ее родителей — тети Агнессы и ее мужа Джилла. Они отдавали деньги за ипотеку, а Марла настояла, что будет из своих средств платить налог на недвижимость и за коммунальные услуги. Связав свою жизнь с газетами, я до сих пор отдавал дань правде и точности, поэтому был весьма невысокого мнения об источнике ее теперешнего дохода. Ее наняла какая-то интернет-фирма писать фальшивые онлайн-отзывы. Некоторые компании стремятся восстановить репутацию или продвинуть себя в сети, обращаются к услугам конторок, у которых есть сотни фрилансеров, пишущих фальшивые хвалебные репортажи.

Марла как-то показала мне один такой — отзыв о кровельной компании из города Остин, штат Техас. «На наш дом упало дерево и пробило в крыше большую дыру. Рабочие из кровельной компании “Марчелино” приехали в течение часа, отверстие залатали, восстановили кровлю, и все за очень разумные деньги. По моему мнению, компания

заслуживает самой высокой оценки».

Марла ни разу не была в Остине, не знает ни единой живой души из кровельной компании «Марчелино» и никогда не нанимала себе подрядчиков для выполнения каких-либо работ.

— Скажи, нормально? — рассмеялась она. — Все равно, что писать очень, очень короткие рассказы.

В тот раз у меня не хватило сил с ней поспорить.

Я не стал пересекать город по прямой, а, свернув на окружную, проехал под тенью водонапорной башни — десятиэтажного сооружения на опорах, напоминавшего инопланетную космическую базу.

Повернул у дома Марлы на подъездную дорожку и остановился рядом с ее ржавым, выцветшим красным «мустангом» середины девяностых годов. Открыл заднюю дверцу своей «мазды» и взял два пакета с мамиными замороженными обедами. Прodelывая это, почувствовал легкое смущение: Марла могла обидеться на то, что тетка считает ее неспособной даже приготовить себе поесть. Ладно, не все ли равно, раз матери этого хочется?

Шагая по дорожке, я заметил, что сквозь трещины в камне пробиваются трава и сорняки. Поднялся на три ступени к двери и, перехватив пакеты в левую руку, постучал в нее кулаком. И в этот момент в глаза мне бросилось пятно на дверной раме. Весь дом требовал окраски или хотя бы хорошей мойки под давлением, так что это пятно было вовсе не исключением. Оно находилось на высоте плеч и напоминало отпечаток ладони. Но что-то привлекло мое внимание. Похоже на размазанную кровь. Словно кто-то прихлопнул самого большого на свете комара.

Я осторожно дотронулся до него указательным пальцем — поверхность оказалась сухой.

Марла не отвечала секунд десять, и я постучал опять. Еще через пять секунд повернул дверную ручку.

Дверь оказалась не заперта.

Я открыл ее пошире, чтобы можно было войти, и крикнул:

— Марла, это я, твой кузен Дэвид!

Никакого ответа.

— Марла, тетя Арлин попросила меня кое-что тебе завезти. Домашнее чили и что-то там еще. Марла, ты где?

Я вошел в центральное помещение дома в форме буквы L. Первая половина представляла собой обветшалую гостиную со старым диваном, парой выцветших кресел, плоским телевизором и журнальным столиком, на котором стоял ноутбук, работавший в спящем режиме. Марла, видимо, включила его, чтобы написать приятные слова в адрес сантехников из Поукипси. Вторая часть дома направо за углом была кухней. Слева по коридору находились две спальни и ванная.

Закрывая за собой дверь, я заметил за ней складную детскую коляску.

— Что за дьявольщина? — вырвалось у меня.

В этот момент в глубине коридора послышался звук. Вроде мяуканья. Какой-то булькающий.

Такие звуки издает младенец. Откуда здесь ребенок? Кто-то может сказать, что нет ничего пугающего в стоящей за дверью сложенной детской коляске.

Но на этот раз этот кто-то здорово бы ошибся. Только не в этом доме.

— Марла?

Я положил пакеты на пол, пересек гостиную и шагнул в коридор.

У первой двери остановился и заглянул внутрь. Эта комната была, вероятно, задумана как спальня, но Марла превратила ее в свалку. Здесь стояла ненужная мебель, валялись пустые картонные коробки, старые журналы, лежали свернутые в рулоны ковры, разрозненные части допотопной стереосистемы. Марла была та еще старьевщица.

Я двинулся к следующей закрытой двери. Повернул ручку и толкнул створку.

— Марла, ты здесь? Ты в порядке?

Звук, который я раньше слышал, стал громче.

И действительно, это был ребенок — по моим прикидкам, от девяти месяцев до года. Я не понял, то ли мальчик, то ли девочка, хотя он был завернут в голубое одеяло.

И слышал я звуки кормления: ребенок с довольным видом сосал резиновую соску, пытаюсь ухватить ручонками пластмассовую бутылочку с едой.

Марла держала ее одной рукой, другой обнимая ребенка. Она уютно устроилась в кресле в углу спальни, а на кровати валялись упаковки с подгузниками, детская одежда, пакет с салфетками.

— Марла?

Она взглянула мне в лицо и прошептала:

— Я слышала, как ты звал, но не могла встретить у двери. И кричать не хотела — Мэтью вот-вот заснет.

Я осторожно вошел в комнату.

— Мэтью?

Марла улыбнулась и кивнула:

— Скажи, красивый?

— Да, — протянул я и, помолчав, спросил: — Кто это — Мэтью?

— Ты о чем? — Марла удивленно склонила голову набок. — Мэтью — это Мэтью.

— Но чей он? Ты что, нанялась с ним сидеть?

Марла прищурилась, глядя на меня.

— Мой. Мэтью — мой ребенок.

Решив не маячить, я сел на кровать поближе к двоюродной сестрице.

— И когда этот Мэтью появился у тебя?

— Десять месяцев назад, — не колеблясь, ответила Марла. — Двенадцатого июля.

— Но... — За последние десять месяцев я несколько раз сюда заезжал, однако только сейчас случилось его увидеть. Поэтому я, как бы сказать, был слегка озадачен.

— Трудно объяснить, — проговорила Марла. — Мне его ангел принес.

— Хотелось бы узнать немного больше, — мягко попросил я.

— Это все, что я могу сказать. Словно чудо.

— Марла, твой ребенок...

— Я не хочу об этом говорить, — прошептала она и, отвернувшись, не отводила глаз от лица мальчика.

Я продолжал допытываться, очень осторожно, словно вел машину по шатающемуся мосту и боялся сорваться в бездну.

— Марла, то, что случилось с тобой... и с твоим ребенком... это трагедия. Мы все за тебя ужасно переживаем.

Десять месяцев назад. Печальное время для каждого из нас, а для моей двоюродной

сестры — просто смерти подобное.

Она легонько коснулась пальцем пуговицы носа Мэтью.

— Какой прелестный!

— Марла, — начал я, — скажи, чей это на самом деле ребенок? — Немного поколебался и добавил: — И откуда на твоей входной двери кровь?

В двадцатую годовщину своей работы в полицейском управлении города Промис-Фоллс детектив Барри Дакуэрт решил, что столкнулся с самым серьезным испытанием за всю свою карьеру: сумеет ли он проехать мимо пирожковой и не завернуть на стоянку, где ему подадут в машину кофе с шоколадным мороженым?

Если и был день, когда он заслуживал особенного угощения, так именно этот. Двадцать лет в управлении и почти четырнадцать из них в должности детектива. Разве не повод, чтобы отметить?

Беда в том, что шла только вторая неделя его очередной попытки похудеть. В прошлом месяце стрелка весов под ним подпрыгнула до ста восьмидесяти фунтов, и он решил, что пора что-то предпринимать. Морин, добрая душа, перестала его изводить, упрекая толщиной, — заключила, что выбор он должен сделать сам. И две недели назад Барри постановил, что первым шагом станет отказ от пирожковой, куда он заворачивал каждое утро. Согласно интернет-сайту заведения его любимое лакомство тянуло на три сотни калорий. С ума сойти! Если там не появляться пять дней, калорийность его рациона уменьшится на полторы тысячи калорий. А за год эта цифра составит семьдесят две тысячи.

Все равно, что просидеть совершенно без пищи около трех недель.

Но это не единственный шаг, который он собирался предпринять. Он решил исключить из меню десерт. Хотя формулировка не совсем точна. Он вознамерился обходиться без второй порции десерта. Если Морин пекла пирог — особенно если это была лимонная меренга, — он не ограничивался одним куском. Съев после обеда свою порцию, он выравнивал ножом срез пирога, а отрезанную полоску проглатывал. Ну сколько калорий может быть в узенькой полоске? И он отрезал вторую.

Теперь, не жалея сил, себя ломал — больше никаких полосок.

До пирожковой оставался один квартал.

«Не поеду!» — твердо решил он.

Дакуэрту ужасно хотелось кофе, но ведь можно остановиться на секунду, выпить и поехать дальше. Это-то можно? От кофе никакого вреда — он закажет черный, без сахара, без сливок. Вопрос в другом: если он встанет в очередь за кофе, то сумеет ли удержаться от...

Зазвонил мобильный телефон.

Машина была оборудована устройством беспроводной связи, и ему не пришлось лезть за аппаратом в карман пиджака. Всего-то потребовалось нажать на «торпеде» кнопку. Еще один плюс: на экране высветилось имя звонившего. Рэндал Финли.

«Черт!» — ругнулся про себя Дакуэрт.

Бывший мэр Промис-Фоллс. Добавим: опозоренный бывший мэр. Несколько лет назад, когда Финли решил побороться за кресло в Сенате, обнаружилось, что он, по крайней мере однажды, воспользовался услугами несовершеннолетней проститутки.

Такие подвиги не вызывают у электората восторга.

Он не только лишился шанса встроиться в большую политику. Его еще прокатали на очередных выборах на пост мэра. Это не пошло ему на пользу. В речи о признании поражения, с которой выступил, пропустив добрую часть бутылки «Дьюарза», Финли назвал всех, кто от него отвернулся, «кликлой мудаков». Местные средства массовой информации его

слов по понятным причинам процитировать не могли. Но неподконтрольный цензуре Ю-Тьюб пошел вразнос.

На какое-то время Финли исчез из общественного поля зрения и зализывал раны. Но после того как обнаружил источник на принадлежащей ему земле к северу от Промис-Фоллс, открыл фирму по бутилированию ключевой воды. Пусть не такую крупную, как «Эвиан» — свою он назвал с присущей ему скромностью «Источником Финли», — но одну из немногих, которая давала рабочие места, главным образом потому, что гнала свою продукцию на экспорт. Город в последнее время вошел в экономический штопор. Прекратила существование «Стандард», и около пятидесяти человек оказались на улице. Обанкротился парк развлечений «Пять вершин» — колесо обозрения и американские горки замерли, словно воспоминание о странной, исчезнувшей цивилизации.

От падения набора пострадал Теккерей-колледж и стал сокращать молодых преподавателей, которым не хватало стажа, чтобы получить постоянную должность. Выпускники школ уезжали на поиски работы. А те, кто оставался, большую часть вечеров шатались по барам, устраивали драки и развлекались тем, что пачкали краской почтовые ящики и переворачивали надгробия.

Владельцы местной достопримечательности — кинотеатра под открытым небом, куда можно заезжать на машинах, — пять десятилетий боровшиеся с пленочными и дивиди-проигрывателями и компанией «Нетфликс», все-таки выбросили белый флаг. Еще несколько недель — и с малой толикой местной истории будет покончено. Ходили слухи, что экран демонтируют и на месте кинотеатра застройщик Фрэнк Манчини начнет строить новое жилье. Но зачем нужны новые дома в городе, откуда все стремятся уехать, — это было выше понимания Дакуэрта.

Да, он вырос в Промис-Фоллс, но город его детства, как костюм, некогда новый, стал лоснящимся и потрепанным.

По иронии судьбы с тех пор, как с поста мэра ушел этот кретин Финли, положение только ухудшилось. Несмотря на свои постыдные интрижки, бывший мэр рьяно боролся за свой сорокатысячный город (в котором, по последней переписи, осталось всего тридцать шесть тысяч жителей) и продолжал бы так же упорно сражаться, чтобы удержать на плаву разваливающуюся промышленность, как цеплялся мертвой хваткой в ту злополучную бутылку виски.

Поэтому, когда Дакуэрт увидел, кто ему звонит, он с некоторым сожалением принял вызов:

- Привет.
- Барри!
- Здорово, Рэнди.

Если заезжать в пирожковую, пора включать поворотник и крутить руль. Но если он туда попадет, не удержится и закажет нежный кусочек божественного наслаждения. Тогда Финли услышит его переговоры с официантом. И хотя бывший мэр был не в курсе намерения Дакуэрта сесть на диету, детективу будет неприятно, если этот фанфарон узнает, что он дал слабинку.

Поэтому он продолжал ехать вперед.

- Ты где, в машине? — спросил Финли.
- Еду на службу.
- Приезжай к Клампетт-парку, сверни на дорожку с южной стороны.

— С какой стати?

— Есть кое-что, что тебе надо увидеть.

— Рэнди, будь ты мэром, может, я бы и носился у тебя на побегушках и не возражал, что ты звонишь на мой личный мобильник. Но ты больше не мэр. И давно уже не мэр. Поэтому, если что-то стряслось, звони, как все, в установленном порядке.

— Тебя все равно сюда пришлют. Сэкономить время на дорогу до управления и обратно. Барри Дакуэрт вздохнул.

— Хорошо.

— Встречу тебя у входа в парк. Со мной моя собака. Благодаря ей я и наткнулся на это. Прогуливал ее здесь.

— На что на это?

— Приезжай, увидишь все сам.

Пришлось ехать на другой конец города, где Финли по-прежнему жил со своей многострадальной женой Джейн. Бывший мэр стоял у входа с собакой, маленьким серым шнауцером. Пес натягивал поводок, понуждая хозяина вернуться в парк, граничивший с лесной зоной, а дальше к северу с Теккерей-колледжем.

— Ты не спешил, — заявил бывший мэр, когда Дакуэрт вылез из машины без опознавательных полицейских знаков.

— Я на тебя не работаю, — отрезал Барри.

— Еще как работаешь. Я налогоплательщик.

Финли был в мешковатых джинсах, кроссовках и наглухо застегнутой на молнию легкой куртке. Стояло прохладное майское утро. Если быть точным — четвертое утро в этом месяце, и земля, всего шесть недель назад укутанная снежным покрывалом, чернела от опавших прошлой осенью листьев.

— Ну, что ты нашел?

— Это туда. Я спущу Бипси с поводка, и мы пойдем за ней.

— Нет, — возразил Дакуэрт. — Что бы ты ни нашел, нельзя, чтобы Бипси там копалась.

— Да, да, конечно. Сам-то ты как?

— Отлично.

Не дождавшись ответного вопроса о жизни, бывший мэр продолжал:

— У меня выдался хороший год. Расширяем производство. Нанял еще пару человек. — Он улыбнулся. — Об одном ты, наверное, слышал.

— Нет. Ты о ком?

— Не важно. — Финли тряхнул головой.

Они шли по тропинке на границе парка, отделенного от леса забором из проволочной сетки высотой четыре фута.

— Ты похудел. Хорошо выглядишь. Поделись секретом, мне бы тоже надо сбросить несколько фунтов. — Финли похлопал себя свободной рукой по животу.

Дакуэрт сбросил за две недели всего пару фунтов и не сомневался, что перемены незаметны.

— Так что ты нашел, Рэндал?

— Сейчас все увидишь. Случилось, должно быть, ночью, потому что мы с Бипси здесь гуляем два раза в день: утром и перед сном. Вчера выходили, когда уже смеркалось, так что я мог и не заметить. Хотя не думаю, что там уже что-то было. Я бы и сегодня не заметил, если бы не собака. Бипси унюхала и рванула напрямик к забору.

Дакуэрт решил больше не выпрашивать Финли о его находке, а сам внутренне собрался. За годы работы в полиции ему пришлось повидать много мертвецов. И предстоит еще немало, прежде чем он уйдет на пенсию, до которой оставалось меньше половины пути. Но к этому невозможно привыкнуть. Во всяком случае, в Промис-Фоллс. Дакуэрту случалось расследовать убийства, в основном на бытовой почве или по пьянке в барах, но попадались и такие, которые привлекали внимание всей страны.

Занятие не из тех, которые называют приятным времяпрепровождением.

— Здесь. — Финли остановился, и собака залаяла. — Бипси, прекрати! Успокойся, дуреха.

Псина притихла.

— На заборе. — Финли показал рукой.

Дакуэрт оглядел открывшуюся перед ним картину.

— Жуть! Настоящая бойня. Видел что-нибудь подобное?

Полицейский промолчал, но если бы ответил, сказал бы «нет».

А Рэндал Финли продолжал:

— Если бы тельце было одно или даже два, будь уверен, я бы не стал тебе звонить. Смотри, Барри, сколько их тут. Я сосчитал — двадцать три. Что за долбаный псих мог такое учинить?

Дакуэрт пересчитал сам — без малого две дюжины.

Двадцать три мертвые белки, все крупные, одиннадцать серых, двенадцать черных. У каждой шея туго затянута белой веревкой вроде тех, какими для надежности перевязывают посылки. Все веревки примотаны к идущей по верху забора горизонтальной железной перекладине.

Зверьков расположили на участке длиной десять футов, каждого на веревке в фут.

— Я их не люблю, — прокомментировал Финли. — Древесные крысы, вот как я их называю, но полагаю, что вреда от них немного. Ведь есть же закон против таких уродов, хотя это просто-напросто белки?

Дэвид

— Марла, я серьезно, ты должна со мной поговорить.

— Мне надо уложить малыша. — Она качала Мэтью на руках, слегка касаясь его губ соской бутылочки. — Кажется, наелся, больше не хочет.

Марла поставила бутылочку на прикроватный столик. Ребенок закрыл глаза и от удовольствия тихонько загукал.

— Сначала он был совсем не такой, — объяснила Марла. — Вчера долго плакал, не признавал меня, боялся.

Я удивился, почему ребенок ее боялся, если она уверяла меня, что он с ней уже много месяцев, но промолчал.

— Я просидела с ним всю ночь, — продолжала она. — И между нами установилась тесная связь. — Марла тихонько рассмеялась. — Выгляжу, наверное, страшилой. Душа утром не приняла, не подкрасилась. Вечером, как только он перестал плакать, уложила его спать, а сама бросилась в магазин. Надо было очень многое купить. Жутко боялась оставлять его одного. Но что было делать? Позвонить никому пока не решилась, а ангел принес совсем немного.

— Кто еще знает о Мэтью? — спросил я. — Тетя Агнесса, твоя мать, знает?

— Нет. Я ей еще не сообщила эту добрую весть. Все случилось очень быстро.

Несообразностей становилось все больше.

— Насколько быстро?

Марла не сводила с ребенка глаз.

— Ладно. Мэтью у меня не десять месяцев. Вчера ближе к вечеру, примерно в то время, когда начинается программа доктора Филя, я писала отзывы об иллинойской компании по установке кондиционеров, в дверь позвонили.

— Кто это был?

Чуть заметная улыбка.

— Я же тебе говорила — ангел.

— Расскажи мне подробнее об этом ангеле.

— Хорошо, пусть она не настоящий ангел, но трудно думать иначе.

— Следовательно, это была женщина?

— Да.

— Его мать?

Марла уколола меня взглядом.

— Теперь его мать я!

— Допустим. Но до того момента, как эта женщина отдала тебе Мэтью, его матерью была она?

— Наверное. — Марла произнесла это нерешительно, словно не желая признавать очевидного факта.

— Как она выглядела? На кого была похожа? Она была ранена? Ты видела кровь? Ее рука была в крови?

Марла медленно покачала головой:

— Ты же знаешь, Дэвид, что у меня плохая память на лица. Мне она показалась очень красивой. Вся в белом, поэтому когда я ее вспоминаю, то представляю ангела.

— Она сказала, кто она такая? Назвала свое имя? Оставила координаты, как с ней связаться?

— Нет.

— И ты не спросила? Тебе не показалось все это странным — неизвестная женщина звонит в твою дверь и отдает ребенка?

— Она очень спешила, — пробормотала Марла. — Сказала, что ей надо бежать. — Ее голос угас. Она опустила Мэтью на середину кровати и обложила подушками, создав вокруг него что-то вроде бруствера. — Пока не куплю детскую кроватку, придется поступать вот так. Нельзя, чтобы он скатился с матраса и ударился о пол. Поможешь мне с этим? Купить кроватку? В Олбани есть «ИКЕЯ»? Или в «Уолмарте» тоже продают детские кроватки? Это ближе. В мой «мустанг» кроватка даже в разобранном виде, наверное, не войдет. И со сборкой у меня вряд ли получится. Я в таких делах бестолкова. В доме даже нет отвертки. Разве что валяется в каком-нибудь шкафу на кухне, но я не уверена. «ИКЕЯ» вроде прикладывает к товарам всякие штуковины, чтобы покупатели могли собрать предмет, даже если у них нет кучи инструментов. Покупать подержанную в комиссионке или в антикварном магазине не хочется. Прежние хозяева могли понаделать столько всяческих «улучшений», что спать в них может быть опасно. Я видела сюжет по телевизору: устроили, чтобы боковина поднималась и опускалась, а она случайно упала на шею ребенку. Не дай бог! — Она вздрогнула.

— Конечно, не дай бог.

— Так можешь мне с кроваткой?

— Пожалуй. Но сначала мы должны кое с чем разобраться.

Марла почти не обращала на меня внимания. Я не мог понять причину ее теперешней отрешенности от действительности. Не объясняется ли ее состояние тем, что она проходит какой-то курс лечения? Если после потери ребенка она и посещала психиатра и тот прописывал ей лекарства, чтобы справиться с депрессией и страхами, я об этом не знал. С какой стати? И теперь не собирался копаться в ее болезни, потому что не представлял, что бы стал делать с тем, что мог узнать.

Может, ничего и не наглоталась, просто была в своем обычном состоянии с тех пор, как родила мертвого ребенка. Это в присущей ему бестактной манере подтвердил мой отец, сказав, что у нее малость поехала крыша. Я слышал только обрывки и отголоски истории. Мать Марлы Агнесса, которая в молодости, до того как стать медицинской сестрой, работала акушеркой, присутствовала при родах вместе с семейным врачом по фамилии, если я правильно запомнил, Стерджес. Мать рассказывала, какой их обуял ужас, когда они поняли, что что-то пошло не так. Как Марле дали несколько минут подержать ребенка, прежде чем унесли насовсем.

У нее родилась мертвая девочка.

— Печально, очень печально, — повторяла мать всякий раз, когда вспоминала племянницу. — На нее так сильно повлияло, словно что-то хлопнулось. Такое мое мнение. И где же был отец? Помог ли хоть чем-нибудь? Нет! Ни на грош!

Отцом был студент Теккерей-колледжа. На семь или восемь лет младше Марлы. Больше я о нем почти ничего не знал. Хотя это теперь не имело никакого значения.

Получила ли полиция заявление о пропавшем младенце? Если бы газета не закрылась и

у меня сохранились полномочия сотрудника редакции, я бы просто позвонил в управление и задал вопрос. Но для частного лица все намного сложнее. Прежде чем поднимать шум и тревожить власти, следовало выяснить, что же на самом деле происходит. Не исключено, что Марла нанялась присматривать за чьим-то ребенком, а затем дала волю своим фантазиям. Я имею в виду ангела, который позвонил в ее дверь.

— Марла, ты меня слышишь? Мы должны кое с чем разобраться.

— С чем?

Я решил ей подыграть и сделал вид, что ситуация, в которой мы оказались, совершенно естественная.

— Не сомневаюсь, ты хочешь, чтобы все было легально и безупречно. Если хочешь оставить себе Мэтью, придется подписать кое-какие бумаги и решить юридические вопросы.

— Совсем не обязательно, — возразила Марла. — Когда Мэтью подрастет и пойдет в школу или даже позже, когда потребуются получать водительские права или другие документы, я скажу, что потеряла его свидетельство о рождении. Никто ничего не докажет.

— Не получится, Марла. В городе сохраняются регистрационные записи.

Мое замечание ее ничуть не поколебало.

— Властям придется поверить, что он мой. Ты делаешь из мухи слона. Общество слишком закопалось в бумагах, чтобы успевать следить за всякой мелочью.

— Но должны же мы узнать, кто его родил, — не отступал я. — Хотя бы из медицинских соображений. Чем болели его настоящие отец и мать, какова его наследственность?

— Ты не желаешь мне счастья, Дэвид? Считаешь, что после всего, через что мне пришлось пройти, я его не заслужила?

Я не нашел что ответить, но оказалось, что этого и не требовалось.

— Мне надо привести себя в порядок, — заявила Марла. — Раз уж ты здесь, пойду приму душ и переоденусь в чистое. Я планировала выйти с Мэтью за покупками.

— В гостиной за дверью стоит коляска. Это ты ее купила? — спросил я.

— Нет, ангел принес, — ответила она. — Твоя мама прислала каких-нибудь вкусняшек?

— Да, — кивнул я. — Положу тебе все в холодильник.

— Спасибо. Я быстро. — Марла скользнула в ванную и закрыла за собой дверь.

Я бросил взгляд на ребенка: Мэтью мирно спал и вряд ли был способен выкатиться из подушечной тюрьмы. Поставил в холодильник замороженные продукты, которые прислала Марле моя мать (человек я очень практичный), и пошел в гостиную осмотреть коляску. Она стояла сложенной — в таком положении ее легко положить в багажник или убрать в кладовку.

На правой ручке были такие же пятна, какие я видел на дверном косяке.

Я разложил конструкцию и нажал ногой на маленький рычажок, чтобы зафиксировать коляску в таком положении. Ею явно пользовались. Когда-то черные шины колес обтрепались, в трещины сиденья набились крошки кукурузных хлопьев. Сзади к коляске был прикреплен закрывающийся на молнию карман. В нем лежали три погремушки, машинка с толстыми деревянными колесиками, реклама магазина детских товаров, наполовину пустой пакет влажных салфеток, бумажные носовые платки.

Мое внимание привлекла реклама — на одной стороне листка было написано несколько слов.

Это был адрес. Листок оказался не из разряда макулатурной почты, рассовываемой по почтовым ящикам и рекламирующей все, что угодно. Он приглашал в «Я родился» —

местный магазин детской одежды. Но что еще важнее — к листовке была прикреплена бирка с именем.

Розмари Гейнор жила в доме 375 по Брекнвуд-драйв. Я знал эту улицу. Довольно престижный район более высокого класса, чем у Марлы, в паре миль отсюда.

Я достал мобильник и собрался запустить приложение, позволяющее узнать номер домашнего телефона Гейноров. Но палец застыл над кнопкой: я задумался, так ли уж разумно ей звонить?

Не лучше ли подъехать? Прямо сейчас.

Из ванной доносился шум воды. Марла принимала душ. Мобильник все еще был у меня в руке, и я позвонил домой.

Мне ответили после первого гудка.

— Папа, мне надо поговорить с мамой.

— Что случилось?

— Просто передай ей трубку.

Послышался шорох и приглушенные слова: «Он хочет с тобой поговорить». И наконец голос матери:

— В чем дело, Дэвид?

— У Марлы кое-что произошло.

— Ты отдал ей чили?

— Нет... то есть я все привез. Мама, здесь ребенок.

— Что?

— У Марлы ребенок. Она утверждает, что ребенок ее. Будто некая женщина позвонила к ней в дверь и отдала. Чушь какая-то. Мне приходит в голову, язык не поворачивается выговорить... Господи, полный абсурд. Я подозреваю, что она его у кого-то украла.

— Только не это! — выдохнула мать. — Неужели опять?

Барри Дакуэрт послал полицейских прочесать примыкающую к парку территорию: может быть, кто-нибудь заметил накануне вечером что-то подозрительное. Например, человека с тяжелым мешком, который возился у забора достаточно долго, чтобы успеть развесить почти две дюжины белок.

Первый полицейский, здоровяк ростом шесть футов по имени Энгус Карлсон, посчитал задание хорошей возможностью закрепить свои навыки опознания подозреваемого.

— Это дело может оказаться крепким орешком, — сказал он Дакуэрту. — Но я чувствую себя в ударе и готов засучить рукава. Однако если свидетеля быстро найти не удастся, придется побегать как белка в колесе.

В последнее месяцы Дакуэрт несколько раз встречался с Карлсоном на месте преступлений. Тот, кажется, примерял на себя роль детектива Ленни Бриско из сериала «Закон и порядок» в исполнении Джерри Орбака, который всякий раз перед появлением титров готов был что-нибудь сморозить. Из нескольких разговоров Дакуэрт выяснил, что Карлсон приехал в город четыре года назад, а до этого служил копом в пригороде Кливленда.

— Пощади меня, помолчи.

Детектив позвонил в городское Общество охраны животных и ввел в курс некую Стейси:

— У меня такое ощущение, что это расследование больше по вашей части, но своих людей я озадачил. Хорошо бы поскорее узнать, чьих это рук дело, пока на фонарных столбах не появятся повешенные хозяйские собаки и кошки.

Он пошел к машине. Бывший мэр Рэндал Финли все еще болтался поблизости, наблюдая, как прибывают полицейские, делают снимки и осматривают окрестности. Но как только увидел, что Дакуэрт собрался уезжать, поспешил за ним, таща на поводке Бипси.

— Хочешь знать, что я думаю?

— Выкладывай, — кивнул детектив.

— Готов поспорить, что это какой-то садистский культ. Не исключено, что мы имеем дело с обрядом посвящения.

— Трудно сказать.

— Держи меня в курсе.

Открывая дверцу своей машины, Дакуэрт покосился на него. Неужели Финли считает, что обладает хоть какой-то властью?

— Если у меня возникнут вопросы, я с тобой свяжусь, — бросил он, уstraиваясь за рулем и захлопывая дверцу.

Бывший политик не отходил — он, видимо, считал разговор незаконченным. Барри опустил стекло.

— Что-нибудь еще?

— Хочу, чтобы ты знал. Я об этом не очень распространялся, но тебе скажу.

— О чем?

— Я собираюсь вернуться в политику. — Финли сделал паузу, чтобы оценить произведенный им эффект. Но поскольку на лице Барри не отразилось ни восторга, ни потрясения, продолжал: — Я нужен городу. С тех пор как я ушел, все идет прахом. Скажешь, не прав?

— Я не интересуюсь политикой, — ответил Дакуэрт.

Финли ухмыльнулся.

— Не говори чепухи. Политика влияет на все, что ты делаешь по службе. Тех, кого избрали на должности, вконец облажались: безработица растет, люди в отчаянии, больше пьют, больше дерутся, чаще залезают в дома. Разве не так?

— Рэнди, мне в самом деле надо ехать.

— Да, да, понимаю, ты пошел по следу серийного убийцы белок. Только хочу сказать: когда я приду к власти...

— Если придешь.

— Когда я приду к власти, то сделаю кое-какие перестановки. Это касается также места начальника полиции. У меня впечатление, что ты подходишь на этот пост.

— Меня устраивает то, что чем я занимаюсь сейчас. И если мне позволено будет заметить, избиратели, возможно, не забыли, что ты не прочь побаловаться с пятнадцатилетними проститутками.

Финли прищурился.

— Во-первых, это была только одна несовершеннолетняя проститутка. И она мне сказала, что ей девятнадцать.

— Хорошо, баллотируйся. Вот тебе и слоган для предвыборной кампании: «Она мне сказала, что ей девятнадцать. Голосуйте за Финли!»

— Меня подставили, Барри, и тебе это прекрасно известно. Я был хорошим мэром, сделал чертовски многое. Старался изо всех сил, чтобы у людей была работа. А всякие личные штучки не имеют никакого значения — это пресса раздула из мухи слона. Стерва Плимптон закрыла «Стандард», и мне больше нечего беспокоиться о негативных отзывах прессы. Поток информации можно контролировать. Газетчикам в Олбани наплевать на то, что здесь творится — разве что я залезу в постель с козлом. Я вот о чем: если ты будешь кем-то вроде моего человека в управлении полиции, я этого не забуду и когда-нибудь отплатю за услугу.

— Полагаешь, твоя помощь в поимке беличьего мучителя станет ключом к победе? — спросил Дакуэрт.

Финли покачал головой:

— Конечно, нет. Я вот о чем: если узнаешь что-нибудь такое, что может послужить моим интересам, — позвони. Вот и все. Невелика просьба. Всегда полезно иметь свое ухо в полиции. Например, узнать, что ее высочество Аманду Кройдон поймали пьяной за рулем.

— У нашего теперешнего мэра нет твоих проблем.

— Хорошо, пусть она не ездит, надравшись. Зато заставляет городскую дорожную службу лопатить свою подъездную аллею. Тоже как-то некрасиво. — Он улыбнулся. — В любом случае сообщите, если узнаешь, что она обманывает налогоплательщиков или вольно обходится с законом. То же относится и к начальнику полиции. Кто бы мог поверить, что в одном городе и мэр, и начальник полиции — женщины?! Тогда уж надо переименовывать наш город в какой-нибудь Кискатаун.

— Мне надо ехать, Рэнди.

— Посмотрим правде в глаза. — Бывший мэр наклонился к окну машины. — Каждому хочется что-то скрыть. Но некоторым — я тому превосходный пример — скрывать больше нечего. Все и так на слуху. Зато другие дорого бы дали, чтобы об их делишках никто не проведал.

Дакуэрт прищурился:

— Не понимаю, куда ты клонишь.

Финли криво ухмыльнулся.

— Кто сказал, что я куда-то клоню?

— Господи, Рэнди, ты что... Надеюсь, это не убогая попытка меня запугать?

Бывший мэр сделал шаг назад, принял оскорбленный вид, но продолжал улыбаться.

— Как ты можешь так говорить? Мы просто беседуем. Насколько мне известно, у тебя в полиции Промис-Фоллс безупречная репутация. Каждому известно — незапятнанная карьера. — Он снова наклонился к окну. — Ты хороший коп и хороший семьянин. — Слово «семьянин» он произнес с нажимом.

— Увидимся позже. — Дакуэрт поднял стекло и тронулся с места.

Финли дружески помахал ему рукой, но полицейский не оглянулся.

Дакуэрт ехал в Теккерей-колледж.

Территория общежития находилась неподалеку от парка, и студенты часто забредали сюда: бегали, баловались наркотиками, занимались любовью. Не исключено, что белок мог убить кто-нибудь из них. Или видел, как это случилось.

Возможно, визит в колледж — пустая трата времени и сил. На улицах Промис-Фоллс пара дюжин белок ежедневно попадает под колеса машин, и полиция не носится как ошпаренная, разыскивая водителей, чтобы обвинить в том, что те покинули место дорожно-транспортного происшествия.

Дакуэрт не сомневался, что, вернувшись в управление, обнаружит на своем столе множество всякой ерунды — если не от Энгуса Карлсона, то от кого-нибудь еще.

Охота на белок в штате Нью-Йорк большую часть года разрешена. Более того, пару лет назад в Холи устроили акцию: пожарное управление объявило, что наградит всякого, кто застрелит пять взрослых белок. Поэтому убийство двух дюжин грызунов — вряд ли то преступление, на которое городская полиция должна рассеивать силы.

Дакуэрта беспокоило другое: какой человек нашел удовольствие в убийстве двадцати трех маленьких зверьков, которых потом развесил на заборе?

Что его на это толкнуло? Хорошо, не обязательно его, может быть, ее? Хотя все-таки скорее его?

И на что еще способен этот человек? В литературе много описаний осужденных убийц, которые начинали с уничтожения домашних животных и других беззащитных тварей.

Дакуэрт свернул с дороги в ворота на территорию Теккерей-колледжа. Возраст величественных зданий из красного кирпича с внушительными колоннами перевалил за сто лет, хотя были здесь и архитектурные исключения: химический факультет построили пять лет назад, спортивный комплекс — десять.

Проезжая мимо Теккерейского пруда — собственного озера на территории колледжа шириной в четверть мили, — Дакуэрт заметил группу рабочих, устанавливающих столб высотой примерно шесть футов с красной кнопкой и прикрепленной табличкой. Он не успел прочитать, что на ней написано, но сооружение напомнило ему допотопный пульт пожарной тревоги.

Оставив машину на гостевой стоянке, он вошел в здание и, сверившись с указателем, направился к кабинету начальника охраны территории. Из головы не выходил разговор с Рэндалом Финли. Что подразумевали его слова? Может быть, бывший мэр решил, что у полицейского есть на него компромат? Или пытается шантажировать — заставить сливать

информацию из управления, чтобы воспользоваться всякой грязью во время предвыборной кампании, если действительно захочет снова попытаться занять кресло мэра?

Если таков его план, пусть лучше о нем забудет, думал Дакуэрт. У бывшего мэра нет способов на него воздействовать. Финли правильно сказал: его послужной список безупречен. Он не из тех, у кого рыльце в пушку.

Почти идеально чист.

Разумеется, за долгие годы бывали случаи, когда поневоле приходилось мухлевать. Безгрешных копов не бывает. Но он никогда не брал взяток, не подбрасывал ложных улики и не скрывал реальных, не прикарманивал ничего вроде выручки от продажи наркотиков.

Правда, много лет назад, еще до того, как познакомиться с Морин, он отпустил, ограничившись предупреждением, пару превысивших скорость симпатичных девчушек. Может, даже попросил у них номера телефонов.

Объяснял это молодостью и отсутствием опыта. И теперь ничего подобного себе не позволял. Финли уж точно не станет копаться в делах двадцатилетней давности, пытаясь нарыть на него компромат.

— Чем могу служить?

Барри оказался у конторки рядом с кабинетами службы охраны. К нему обратился юноша с несколькими серьгами в ухе, по виду еще студент.

— Мне надо переговорить с вашим начальством, — объяснил Дакуэрт.

— Вам назначено?

Дакуэрт показал удостоверение и через секунду сидел по другую сторону стола от Клайва Данкомба, шефа институтской службы безопасности.

Ему было от сорока до пятидесяти лет. Рост под шесть футов, вес фунтов сто семьдесят, массивная, квадратная челюсть, густые темные брови и такие же волосы. Аккуратный, но в рубашке, которая выглядела так, словно была на размер меньше, видимо, хозяин надевал ее специально, чтобы привлечь внимание к своим бицепсам. Что касалось мускулатуры, он обладал впечатляющим арсеналом. Штанга, заключил Дакуэрт. И наверное, никаких пирожков по утрам по дороге на работу.

— Рад познакомиться, — сказал Данкомб. — Повторите, пожалуйста, как вас зовут.

Дакуэрт назвался.

— Так вы детектив?

— Да.

— Чем могу помочь?

— Мне необходимо с вами поговорить по поводу ночного происшествия.

Данкомб мрачно кивнул и вздохнул. Откинулся на спинку стула и положил на стол ладони разведенных рук.

— Не могу утверждать, что удивлен вашим визитом. Ожидал гостя из городской полиции. Молва идет. И это понятно: когда случается нечто подобное, крышку не удержат — из-под нее что-нибудь непременно просочится наружу. Но хочу, чтобы вы знали: здесь я контролирую ситуацию. У меня железный порядок, и я таким же образом ориентирую своих людей. Вашу озабоченность я понимаю и не в обиде, что вы пришли поторопить нас сделать шаги, которые мы уже предприняли.

Дакуэрта заинтересовало, какие-такие шаги мог предпринять колледж для защиты белок, и откровенно удивило, что здесь расценивают их как приоритетные.

— Продолжайте, — попросил он.

— Возможно, по дороге сюда вы заметили, что мы начали установку на территории стоек службы безопасности.

— Стоек службы безопасности?

— Достаточно нажать на кнопку, сигнал поступит группе обеспечения безопасности. Мы будем знать, где находится человек, и немедленно вышлем туда наряд. Что-то вроде пожарной тревоги или связи с машинистом в вагонах метро в больших городах.

— И зачем вы это делаете?

Данкомб убрал со стола ладони и, подавшись на стуле вперед, с подозрением посмотрел на инспектора.

— Хотите сказать, вы приехали сюда не по поводу неудавшихся попыток изнасилования? В округе появился какой-то псих и запугал до полусмерти всех женщин в кампусе.

Дэвид

— Мама, ты о чем? — спросил я. — Что означают слова: «Неужели опять»? Марла уже похищала чужого ребенка?

— Когда ты жил в Бостоне, произошла история в больнице.

— Что за история?

— Она проникла в родильное отделение и попыталась скрыться с чьим-то ребенком.

— Боже мой! Ты шутишь?

— Это было ужасно. Марла почти подошла к парковке, когда ее заметили и остановили. Ее, наверное, кто-то узнал — ведь она там частенько бывала, приходила не только к матери, но, как я думаю, на прием к психиатру, психологу или как его там? Его звали... крутится на языке, но не могу вспомнить.

— Не думай об этом. Просто расскажи, что произошло.

— Вызвали полицию, но Агнесса и ее муж Джилл объяснили ситуацию: что Марла потеряла ребенка, что она психически нестабильна, что по состоянию здоровья ее нельзя привлечь к ответственности, что она лечится.

— Ни слова об этом не слышал.

— Агнесса не хотела, чтобы кто-нибудь знал. По большей части ей удалось притушить разговоры. Но слухи пошли. Люди в больнице не хотели держать язык за зубами. Мы с твоим отцом не проговорились ни единой живой душой — ты первый, кому я рассказываю. Однако такого рода события всегда обрастают сплетнями. Агнесса, конечно, постаралась, чтобы больница не предприняла ничего против Марлы. А родителей ребенка убедили не выдвигать против нее обвинений. Агнесса устроила так, что больница оплатила все расходы, которые не покрывала их страховка. Слава богу, Марла никак не повредила малютке — ведь ему было всего два дня от роду! Мы очень тревожились за Марлу, гадали, оправилась она или нет. Я считала, что ничего подобного больше не повторится. Это убьет Агнессу — она сгоряча что-нибудь натворит. Ты же знаешь, как ее заботит, что думают люди.

— Мне кажется, этого ребенка Марла взяла не из больницы. Он не новорожденный младенец; я бы дал ему месяцев девять-десять. Позвони Агнессе, вызови ее сюда.

— А ведь какая-то мать сейчас сходит с ума, не может понять, куда запропастился ее ребенок. погоди, не отключайся. Дон! — крикнула она куда-то в сторону.

— Что? — Ответ прозвучал приглушенно, видимо, отец находился в другой комнате.

— Ничего не говорили о пропаже ребенка?

— Не понял.

— У тебя включено радио? Полиция не объявляла в розыск пропавшего ребенка?

— Боже праведный, она опять за свое?

— Так да или нет?

— Нет.

— Отец сказал... — начала объяснять мать.

— Я слышал. Пожалуй, я знаю, откуда взялся ребенок. Сейчас туда съезжу.

— Ты знаешь, чей ребенок?

— Имя Розмари Гейнор тебе ничего не говорит?

— Никаких ассоциаций.

— Агнесса должна ее знать. Ей же известны подруги Марлы.

— У меня такое впечатление, что у Марлы нет подруг. Сидит, запершись, в четырех стенах, выходит только за покупками или по делам.

— Позвони Агнессе, скажи, чтобы приезжала как можно быстрее. Я хочу съездить к этой Гейнор, но мне тревожно оставлять Марлу одну с ребенком. — Я помолчал и добавил: — Может, вызвать полицию?

Мать осторожно кашлянула.

— Я бы этого не делала. Агнесса наверняка захочет решить вопрос по-тихому. К тому же тебе неизвестно, что происходит на самом деле. А вдруг Марла нянчится с ребенком с согласия его родителей.

— Я задавал ей этот вопрос. Она ответила отрицательно.

— Но такое вполне возможно. Марла подрядилась сидеть с чьим-то ребенком, а потом вообразила, что ребенок ее. Как вспомнишь, через что ей пришлось пройти...

Шум душа прекратился.

— Мама, мне пора. Буду на связи. Пришли сюда Агнессу.

Я опустил телефон в карман пиджака.

— Дэвид! — Марла окликнула меня из-за закрытой двери.

Я подошел и встал на расстоянии фута.

— Что?

— Ты с кем-то разговаривал?

— Нет.

— Говорил по телефону?

— Пришлось ответить на звонок.

— Это была моя мать?

— Нет. — На этот раз я душой не покривил.

— Чтобы ты знал, я не хочу, чтобы она сюда приезжала. Поднимет шум, будет суетиться.

Я не хотел лгать и вводить Марлу в заблуждение и признался:

— Я позвонил моей матери, но попросил, чтобы она связалась с Агнессой. Тебе может потребоваться ее помощь. Агнесса знает о младенцах все, поскольку прежде, чем стать администратором, работала акушеркой.

Сказав, я в ту же секунду пожалел о своих словах — они могли напомнить Марле о том дне, когда она потеряла ребенка. Тогда Агнесса находилась рядом потому, что была матерью Марлы и опытным специалистом в акушерстве.

И ее присутствие не помогло.

— Ты не имел права! — закричала Марла и, закутанная в полотенце, выскочила из ванной. — Я не хочу оставаться здесь, когда она сюда заявится. — Она прошлепала мимо меня в спальню и захлопнула за собой дверь.

— Марла, — негромко позвал я, — тебе нужно...

— Я одеваюсь. Мэтью надо где-то устроить. Мы едем за кроватью.

В моей машине не было детского кресла. Итан подросток, и уже несколько лет ему не требовалось такого приспособления. Но в данный момент по сравнению со всем остальным это показалось самой малой проблемой. Если Марла намерена покинуть дом, но не отказывается от моего общества, я посажу ее с ребенком к себе в машину. Поведу так, будто у меня на переднем сиденье аквариум с золотой рыбкой. Мы поедем якобы за кроватью, но на

самом деле не к мебельному магазину, а к дому Гейноров.

Посмотрим, как поведет себя Марла.

— Буду готова через пять минут, — сказала она.

А появилась через четыре — в джинсах, замызганном свитере, с мокрыми волосами. На руках она несла ребенка, закутанного в несколько одеял.

— Возьми коляску, — велела она. — Не хочу его носить, пока мы будем в магазине. О, и принеси из холодильника еще одну бутылочку.

В присутствии Марлы я не мог позвонить матери и сказать, что мы уезжаем. Но понимал: как только сюда явится Агнесса и никого не застанет, мой мобильник в кармане начнет трезвонить. Я сложил коляску, и мы вышли из дома. Пока Марла вставляла в личинку ключ и запирала дверь, снова посмотрел на пятно на косяке.

Может, это все-таки не кровь, а грязь? Кто-то работал в саду и коснулся рукой деревяшки. Вот только Марлу нельзя назвать заядлым садовником.

— Думаю, тебе лучше сесть назад, — сказал я ей. — Ничего хорошего не будет, если сработает подушка безопасности и вдавит в тебя ребенка.

— Просто веди аккуратнее, — попросила она.

— Это я и собираюсь делать.

Я устроил ее с Мэтью на руках на заднем сиденье перед передним пассажирским, открыл заднюю дверцу и, засунув коляску в багажник, сел за руль.

— Куда поедет? — спросила Марла. — В «Уолмарт»? Или, может быть, в «Сирз» в городских торговых рядах?

— Не знаю. — Хотя я вырос в Промис-Фоллс, лишь став корреспондентом «Стандард», разобрался во всех его закоулках. И теперь мог без помощи навигатора найти Бреконвуд-драйв. — Давай начнем с «Уолмарта».

— Хорошо, — спокойно согласилась она.

Добраться до района Гейноров не заняло много времени. Бреконвуд был одним из фешенебельных городских анклавов. Дома здесь стоили намного дороже, чем обычные городские одноэтажки. Но не приносили того дохода, как десять лет назад, во времена, когда город процветал. Где-то здесь жила Мадлин Плимтон. Восемь или девять лет назад, когда в газетном деле еще были поводы для праздников, она устроила у себя вечеринку для сотрудников «Стандард».

— Что-то я не вижу здесь никаких магазинов, — встревожилась Марла.

— Мне надо остановиться, — ответил я.

Сворачивая на Бреконвуд-драйв, я боялся, что наткнусь на полдюжины полицейских машин и фургон с корреспондентами из Олбани. Но на улице все было тихо, и это меня немного утешило. Если бы отсюда сообщили о пропаже ребенка, улица бы гудела, как пчелиный улей. У дома 375 я подвел машину к тротуару.

— Ничего не напоминает? — Я повернулся и посмотрел на Марлу и улыбающегося Мэтью.

Она покачала головой.

— Не знаешь Розмари Гейнор?

— А должна? — Глаза Марлы подозрительно блеснули.

— Не знаю. Так как?

— Никогда о такой не слышала.

Я колебался.

— Марла, тебе же приходило в голову, что этот ребенок, Мэтью, должен был откуда-то взяться.

— Я тебе объяснила откуда. Мне его принесла женщина.

— А ей он откуда достался? Чтобы она его тебе принесла, кто-то должен был решить от него избавиться.

Мой вопрос ее ничуть не смутил.

— Должно быть, тот, кому оказалось не по силам его растить. Люди поискали-поискали и решили, что в моем доме ему будет хорошо. — Марла улыбнулась так же невинно, как Мэтью.

Я не видел смысла возражать. Во всяком случае, теперь.

— Сиди тихо. Я скоро вернусь.

Вылезая из машины, я не забыл положить ключи в карман. Триста семьдесят пятый номер был новее многих зданий на улице. Значит, здесь стоял другой дом, его снесли и на его месте построили этот. Обустроенная территория, два этажа, гараж на две машины, площадь не меньше пяти тысяч квадратных футов. Если кто-нибудь из хозяев сейчас дома, то за воротами гаража наверняка стоит мощный внедорожник.

Я позвонил в дверь. Подождал. Оглянулся на машину. Марла сидела, склонив голову — ворковала с Мэтью. Прошло секунд десять, никто не открыл, и я надавил на кнопку звонка во второй раз. Подождал еще секунд двадцать. Напрасно. Достал из кармана телефон, открыл приложение, сообщившее мне номер Гейноров, и, нажав набор, приложил трубку к уху. Слышно было, как в доме отзывались звонки.

Никто не ответил.

В доме было пусто.

Послышался звук приближающейся машины, и я обернулся. Черная «ауди», седан. Машина быстро свернула на подъездную дорожку, резко скрипнули тормоза, и она остановилась в дюйме от закрытых гаражных ворот.

Худощавый мужчина лет под сорок, в дорогом костюме, пиджак нараспашку, со сбившимся набок галстуком, распахнул дверцу и выскочил из автомобиля. Держа наготове ключи, он стремительно направился ко мне.

— Кто вы такой?

— Я ищу Розмари Гейнор. Вы мистер Гейнор?

— Да, я Билл Гейнор. А вы, черт возьми, кто?

— Дэвид Харвуд.

— Это вы звонили в дверь?

— Да, но никто...

— Боже... — Гейнор перебирал ключи, выбирая нужный, чтобы открыть входную дверь. — Я набирал ей всю дорогу от Бостона. Почему она не отвечала? — Он повернул ключ в замке и, толкнув дверь, прокричал: — Роз!

Я секунду помешкал, а затем вошел за ним внутрь. Холл был высотой в два этажа, с потолка свисала громадная люстра. Слева располагалась гостиная, справа столовая. Гейнор, не переставая звать, шел вперед, в глубину дома.

— Роз! Роз!

Я держался за ним шагах в четырех.

— Мистер Гейнор, у вас есть ребенок в возрасте примерно...

— Роз!

На этот раз в его голосе прозвучали мука и ужас. Мужчина рухнул на колени. Перед ним я увидел распростертую на полу женщину. Она лежала на спине, одна нога вытянута, другая неловко поджата.

Блузка, белая, судя по воротнику, пропитана красным и грубо рассечена поперек живота. Рядом валялся кухонный нож с лезвием длиной десять дюймов. И лезвие, и рукоятка покрыты кровью.

Кровь была повсюду. Смазанные кровавые следы вели к раздвижным стеклянным дверям в глубине кухни.

— Роз, о господи, Роз!

Внезапно голова Гейнора дернулась, словно он вспомнил что-то ужасное. Еще более ужасное, чем открывшаяся перед ним картина.

— Ребенок, — прошептал он и вскочил на ноги. Брючины в крови, густая липкая кровь на подошвах. Он бросился из кухни, оставляя за собой страшные кровавые следы. Чуть не поскользнулся в холле на мраморном полу и повернул к ведущей наверх лестнице.

— Мистер Гейнор, подождите! — позвал я вслед.

Он не слушал, пронзительно выкрикивая:

— Мэтью! Мэтью!

Перепрыгивая через две ступени, он бросился на второй этаж. Я остался внизу — не сомневался, что он тотчас вернется. Из коридора второго этажа снова донеслось мучительное:

— Мэтью!

Когда он вновь появился на лестнице, его лицо исказило отчаяние.

— Его нет. Мэтью исчез. — Он обращался не ко мне, скорее говорил сам с собой, чтобы осознать случившееся. — Ребенка нет, — снова произнес он почти про себя.

Я постарался, чтобы мой голос звучал как можно спокойнее:

— С Мэтью все в порядке. Он у нас. С ним ничего не случилось.

Гейнор сбегал вниз и взглянул через плечо сквозь по-прежнему распахнутую дверь на мою машину, стоявшую у тротуара.

Марла так и осталась на заднем сиденье с мальчиком на руках, но теперь смотрела не на него, а на дом пустым, ничего не выражающим взглядом.

— Что значит «у нас»? — резко спросил Гейнор. — Почему мой сын у вас? Что вы натворили? — Он повернулся к кухне: — Ваша работа? Это вы ее...

— Нет! — поспешно возразил я. — Не могу объяснить, что здесь случилось, но ваш сын в безопасности. Я пытался выяснить...

— Мэтью в машине? Сарита с ним? Он с няней?

— Сарита? Няня? — переспросил я.

— Это не Сарита! — еще больше заволновался Гейнор. — Где Сарита? Что с ней произошло?

Он кинулся к моей машине.

Агнесса Пикенс осталась недовольна кексами.

Две дюжины были разложены на блюде, стоявшем в середине массивного стола в зале заседаний. Чай и кофе можно было взять на столе у стены, там все было в порядке. Кофе без кофеина, сливки, сахар, молоко, заменитель сахара — все на месте. Плюс разложенные на столе перед каждым стулом копии отчета о последних достижениях больницы. Но, обследовав набор кексов, Агнесса не обнаружила с отрубями. С черникой были, с бананами были, с шоколадом были — хотя, приходилось признать, с шоколадом больше напоминали выпеченные в форме кексов тортики — и ни одного с отрубями. Хорошо еще, что были фруктовые.

Если администратор больницы собирает спозаранку заседание правления, то хотя бы должна сделать усилие и предложить людям здоровый выбор еды. И если уж кексами с отрубями пожертвовали ради кексов с шоколадом, ей следует дать указание, чтобы их принесли.

До начала собрания оставалось пять минут, и Агнесса зашла убедиться, что все в порядке. Обнаружив недочеты, она подошла к двери и крикнула:

— Кэрол!

Из дальней по коридору комнаты высунула голову ее личная помощница Кэрол Осгуд.

— Слушаю, миссис Пикенс.

— Нет кексов с отрубями.

Кэрол, шатенка лет под тридцать с каштановыми волосами до плеч и карими глазами, торопливо заморгала:

— Я сказала на кухне прислать набор...

— Я же специально подчеркнула, чтобы были кексы с отрубями.

— Извините, не припоминаю.

— Говорила, Кэрол. Точно помню. Позвони Фриде и попроси, чтобы прислала полдюжины. Я знаю, что у них есть. Видела в кафетерии двадцать минут назад. Если потребуется, возьми оттуда.

Голова Кэрол исчезла.

Агнесса поставила на стол сумочку, достала мобильный телефон и обнаружила, что он не включен. Утром приложения публик-чатов и другие программы загружались очень медленно, и она выключила аппарат с намерением тут же включить для быстрой перезагрузки. Но в это время поджарился ее тост из ржаного хлеба, и она забыла. Теперь же нажала и подержала клавишу сверху с правой стороны, но в то же время маленьким тумблером слева выключила громкий сигнал.

Опустила телефон на стол и с нетерпением постучала красным ногтем по полированной поверхности. Собрание предстояло не из приятных. Ничего хорошего она от него не ждала. Новости обескураживали. В рейтинге медицинских учреждений региона штата Нью-Йорк Центральная больница города Промис-Фоллс опустилась ниже некуда. Ближайшие больницы в Сиракузах и Олбани оценивались под восемьдесят и за восемьдесят пунктов. А их — только 69. По мнению Агнессы, несправедливая, взятая с потолка цифра. В большой степени зависящая от субъективного восприятия. Местные жители решили, что качественную медицинскую помощь можно получить лишь в больнице большого города. Во

всяком случае, крупнее, чем Промис-Фоллс. То есть в Сиракузах, в Олбани или даже в Нью-Йорке.

Да, одиннадцать месяцев назад их больница испытывала трудности в связи со вспышкой псевдомембранозного колита. Четыре пожилых человека заразились в больнице анаэробными бактериями, и один из них умер. К несчастью, «Стандард» в то время еще выходила, и эта тема добрые две недели муссировалась на первых страницах. Но такого рода неприятности могут случиться в любой больнице и, будьте уверены, происходят. Тогда Агнесса Пикенс ужесточила правила уборки и мытья рук, и они справились со вспышкой. Но об этом «Стандард» ничего не напечатала на первой полосе.

Спросите любого горожанина, доволен ли он медицинским обслуживанием в Центральной больнице Промис-Фоллс, и неизменно получите ответ: «Если бы был хоть один шанс из сотни, что меня успеют доставить в Сиракузы или Олбани, я бы распрощался с ней навсегда». Изменить этот стереотип стало главной целью Агнессы.

В зал вошла женщина в светло-зеленой форме с забранными под сетку волосами. Она принесла тарелку кексов с отрубями.

— Вот, миссис Пикенс.

— Положи их вместе с другими на блюдо. Надеюсь, Фрида, ты вымыла руки, прежде чем касаться еды.

— Конечно, мэм. — Фрида разложила кексы вместе с остальными и ушла.

Появилась ее помощница Кэрол:

— Они здесь.

— Проводи их сюда, — велела Агнесса.

В зал, приветственно кивая и обмениваясь короткими фразами, вошли десять человек. Местные бизнесмены, двое врачей, главный сборщик средств.

— Доброе утро, Агнесса, — поздоровался седовласый мужчина шестидесяти с лишним лет.

— Здравствуйте, доктор Стерджес. — Они обменялись рукопожатием, и она добавила: — Джек.

Джек Стерджес, словно ожидая упрека, улыбнулся:

— На этой неделе я начал вводить свои заметки в систему. Честно. Больше никаких бумаг.

Остальные, услышав его слова, усмехались, наливали себе чай или кофе и рассаживались за столом на мягкие стулья с высокими спинками. Некоторые потянулись за кексами, и Агнесса заметила, что по крайней мере трое выбрали с отрубями.

Ей нравилось, когда подтверждалась ее правота. Пусть даже по таким пустякам.

И еще ей нравилось управлять. Очень сильно нравилось. Она здесь никогда никого не лечила, только за все отвечала. После окончания школы медсестер два года работала в Рочестере акушеркой. Затем продолжила обучение, но уже искусству управления. Подала заявление в больницу Промис-Фоллс и получила должность в административном штате. Прошли годы, и Агнесса поднялась на самый верх.

Она заняла место во главе стола и, ограничившись короткими словами приветствия, начала:

— Перейдем прямо к делу. — Ее мобильный телефон лежал на столе вверх экраном рядом с отчетом о работе больницы. — В документе перед вами на первой странице есть цифра, определяющая наш рейтинг. Он очень низкий. Эта позорная цифра не отражает

качества работы в Центральной больнице Промис-Фоллс.

— К таким вещам надо относиться с долей... — начала женщина в дальнем конце стола. Но Агнесса не позволила ей продолжить.

— Сейчас говорю я, доктор Форд. И хотя наш рейтинг в высшей степени несправедлив, поднять его мы можем лишь одним способом — работать еще упорнее во всех отделениях. Не упускать ничего и стараться все усовершенствовать. Мы до сих пор не завершили компьютеризацию историй болезни. Жизненно важно, чтобы все значимые сведения о пациенте хранились в системе, чтобы мы могли избежать возможных случаев аллергии или путаницы с лекарствами. Но некоторые сотрудники до сих пор делают записи на бумаге, предоставляя другим заносить их в компьютер.

— Невиновен. — Джек Стерджес поднял руки. — Моя информация вся в компьютере.

— Вы наш всеобщий вдохновитель, — прокомментировала Агнесса.

Ее телефон тихо загудел. Она взглянула на экран — звонила сестра. И только тут заметила, что до этого получила пару голосовых сообщений. Агнесса решила: что бы там ни было, это может подождать. Телефон прогудел шесть раз и благодаря вибрации проехался по столу, будто случилось легкое землетрясение.

— По поводу компьютеризации я постоянно испытываю сопротивление коллектива. Довожу до вашего сведения, что ни у кого нет права увильнуть от этой работы. Ни у одного человека. Сопротивляются не рядовые сотрудники. Ведущие врачи, хирурги, специалисты, кажется, считают, что это дело ниже их достоинства. Отчасти это возрастное явление. Молодые врачи, выросшие на новых технологиях...

Телефон снова загудел. Арлин второй раз попыталась дозвониться.

Агнесса Пикенс страшно не любила, если ее дергали во время игры, тем более когда она набирала очки. Она взяла телефон и нажала на клавишу, отклоняя вызов.

— Так вот, если кто-то из наших ведущих врачей не такой знаток компьютера, как молодежь, это их не извиняет. Этим людям придется...

На экране телефона появилось текстовое сообщение. От Арлин.

«Позвони!!! Речь идет о Марле».

Агнесса несколько секунд смотрела на экран, затем, отодвинув назад стул, встала.

— Извините. Пока меня не будет, пожалуйста, сформулируйте пять идей, как нам привести в чувство наш ведущий персонал. — Она схватила телефон, вышла из зала и закрыла за собой дверь. Нашла домашний номер сестры и приложила трубку к уху.

— Агнесса?

— У меня собрание правления. Что там такое с Марлой?

— Господи! Я тебе названиваю, названиваю...

— Что случилось?

— Она опять за свое. — Арлин вздохнула. — Дэвид только что звонил. Я послала его отвезти ей чили и...

— Что значит — опять за свое?

— Когда Дэвид вошел, она держала на руках ребенка.

Агнесса зажмурилась и прижала ладонь к виску, словно могла защититься от головной боли, которая, как она по опыту знала, сейчас начнется.

— В больнице никаких происшествий. Если бы у кого-нибудь отсюда пропал ребенок, меня бы тотчас известили. Дэвид, наверное, ошибся.

— Не представляю, откуда она его взяла, — не отступала Арлин. — Я верю Дэвиду.

Если он говорит, что там есть ребенок, значит, он там есть.

— Черт бы побрал эту девчонку! — вырвалось у Агнессы.

— Она не девчонка, — поправила ее Арлин. — Психически травмированная взрослая женщина. Это не ее вина.

— Перестань меня учить! — возмутилась Агнесса, а про себя подумала: «Старшая сестра — это навсегда».

Агнесса была не просто младше Арлин, она была намного младше. Мать родила Арлин в двадцать лет, а ее сестру — в тридцать пять. Через два года после Арлин родился Генри, а затем последовал промежуток в тринадцать лет. Все считали рождение Агнессы случайностью. Родители ее явно не планировали. Но когда обнаружили, что ожидается прибавление семейства, оставили все как есть. Мысль прервать беременность не приходила им в голову. И не потому, что они были особенно религиозны или выступали против абортов. Просто решили: раз так, пусть у них будет еще один ребенок.

Несмотря на то что у нее были старшие сестра и брат, Агнесса чувствовала себя единственным ребенком в семье. Разница в возрасте была настолько велика, что старшие почти не имели ничего с ней общего. Они перешли в среднюю школу, когда она только появилась на свет. Поэтому никогда вместе не играли, никогда не ходили вместе на занятия. Арлин была старше Генри всего на два года, и между ними сложились такие узы, о которых Агнесса могла только мечтать. Ее это всегда обижало, пока, почти двадцать лет назад, их брат не погиб в автокатастрофе. Только тогда Арлин стала проявлять к ней больший интерес.

Но было слишком поздно.

Арлин, похоже, считала, что обладает некоей семейной монополией на мудрость. Будто это она руководила больницей. Будто на ней лежала огромная ответственность. Разве она поднялась из ничего до руководителя организации с многомиллионным бюджетом? И разве Дэвид был когда-нибудь для нее и Дона источником таких же тревог, как Марла для нее и Джилла? Дочь представляла для них проблему с самого начала. Подростковые годы были просто жутью: Марла пила, спала с кем попало, пристрастилась к наркотикам, прогуливала школу.

Агнесса с Джиллом надеялись, что, когда ей перевалит за двадцать, она успокоится. Не тут-то было. Появились признаки психического расстройства, она с трудом узнавала людей, наблюдались резкие перепады настроения. Один врач предположил, что у нее маниакально-депрессивный психоз. Хорошо еще, что благодаря материальной помощи родителей Марла жила самостоятельно, в собственном маленьком доме, перехватывая где придется случайную работу, а в последнее время все больше пробавляясь написанием отзывов в Интернете.

Это давало Агнессе надежду. Может быть — только может быть, — жизнь дочери войдет в нормальное русло. Если не случится рецидивов, Марла сумеет найти нормальную работу. Агнесса могла бы подобрать ей место в больнице, но после случая с ребенком это стало невозможно.

Конечно, она могла бы воспользоваться связями — Агнесса знала в городе влиятельных людей: мэра, главу торговой палаты, начальника полиции. Все они были женщинами и понимали, насколько важно помочь ребенку найти свою дорогу в мире.

Но затем Марла встретила парня.

Я вас умоляю — парень! Студентик Теккерей-колледжа! Здешний. Сын — только подумайте! — ландшафтного дизайнера.

И этот юнец ее обрюхатил.

О чем думала Марла, связавшись с мальчишкой, даже не окончившим колледжа? У которого не было иных перспектив, кроме как помогать отцу стричь газоны и сажать кусты. Агнесса навела о нем справки. Несколько лет назад его даже подозревали в убийстве местного адвоката и его семьи. Он оказался невиновным. Но стала бы полиция цепляться к человеку, если бы за ним ничего не водилось? В итоге он получил диплом то ли по английскому языку, то ли по философии или чему-то такому же бесполезному.

Да, заключила Агнесса, смерть младенца — большая трагедия для дочери, и она, естественно, горюет. Требуется время, чтобы оправиться от потери, и Агнесса верила, что в тот период сама она была хорошей матерью, помогая Марле встать на ноги. Но кто мог предвидеть, что выкинет дочь? Проникнет в больницу, где работает мать, и украдет новорожденного младенца!

С тех пор прошло несколько месяцев, и Агнессе стало казаться, что Марла преодолевает недуг. Она снова писала отзывы для Интернета. Следующим шагом было бы вывести ее из дома в мир.

И вот опять. Снова ребенок.

— Они дома? — спросила Агнесса.

— Были дома, когда я в последний раз разговаривала с Дэвидом, — ответила сестра. — Мне кажется, он прикидывал, не позвонить ли в полицию.

— Надеюсь, не успел, — твердо проговорила Агнесса. — Это дело полиции не касается. Мы сами его разрулим. Что бы там ни случилось, справимся. Ты позвонила Джиллу?

— Набирала домой, оставила сообщение. У меня нет номера его мобильного.

Агнесса вспомнила, что Джилл, который был консультантом по вопросам менеджмента и обычно работал дома, упоминал, что в то утро у него встреча с клиентом.

— Хорошо, я еду, — бросила она в трубку и завершила разговор.

Дверь зала заседаний открылась, и оттуда появился Джек Стерджес.

— Что-нибудь случилось, Агнесса?

Она хмуро посмотрела на него:

— Марла.

— Что с ней? Что случилось?

Агнесса прошла мимо и вернулась в зал заседаний. У членов совета был вид провинившейся детворы, которая плевалась жеваными бумажками, пока педагог был в учительской.

Она встала за своим стулом.

— Боюсь, нам придется перенести собрание. Случилось нечто неожиданное, что требует моего присутствия.

Она сунула телефон в сумку и удалилась — не заходя к себе в кабинет, направилась прямо к лестнице. Лифта можно было прождать целую вечность, особенно если в нем поднимали каталку с больным. На улице вновь достала телефон и, выбрав абонента из списка контактов, включила набор. Прежде чем ей ответили, гудок прозвучал девять раз.

— Да? — Голос у мужа был удивленный и раздраженный.

— Джилл, у нас проблемы с Марлой, — сказала Агнесса.

— Господи, опять? — охнул муж. — Подожди, я сейчас. Я работал с клиентом. Так что случилось?

— Она снова взялась за свое — откуда-то украла ребенка.

— Будь все проклято!

— Я еду к ней.

— Сообщи, что обнаружишь, — попросил муж.

— Ты не появишься?

— У меня переговоры. Я еще не закончил.

— С тобой не соскучишься! — Агнесса запихнула телефон обратно в сумку.

Что он там не закончил? Ублажать очередную шлюху? Скорее всего.

Дэвид

Я гнался за Биллом Гейнором, который стремглав бежал к моей машине. До сих пор Марла сидела с безразличным видом, но когда Гейнор ринулся в ее сторону, лицо ее внезапно исказилось и глаза расширились от ужаса. Она взглянула куда-то вбок — видимо, хотела проверить, заперта ли на замок задняя дверца. Затем схватила мальчика и крепко прижала к себе.

— Мэтью! — выкрикнул Билл.

— Мистер Гейнор! — Пытаясь остановить, я схватил его за плечо. Он круто обернулся, замахнулся, чтобы меня ударить, но не удержался на ногах и упал. Я запнулся о его лодыжку и грохнулся рядом, но успел подняться первым и склонился над ним: — Послушайте! Только послушайте!

Теперь я хотел одного: не позволить Гейнору повредить Марле или напугать ее. Как бы фантастически это ни звучало, я надеялся разрядить обстановку. Всего лишь несколько секунд назад Гейнор обнаружил в доме убитую жену, и у него были все основания вести себя подобным образом. Я боялся, что в таком состоянии он может натворить, что угодно.

Приподнявшись, он сел и вдруг бросился на меня. Две широкие ладони уперлись мне в грудь, и я отлетел назад.

Гейнор мгновенно вскочил с земли и снова кинулся к машине. Он несся так стремительно, что со всего разбега налетел на машину и уперся руками в верхнюю часть задней дверцы. Автомобиль содрогнулся. Ухватившись за ручку, он с силой дернул, но замок был заперт.

Марла закричала.

Гейнор дернул за ручку еще пару раз — видимо, надеялся сломать замок.

— Убирайся прочь! — закричала Марла.

Он заслонил глаза рукой и, вглядевшись внутрь салона, сумел хорошенько рассмотреть младенца. Сжал кулак и ударил в стекло.

— Открывай эту чертову дверцу!

Марла снова крикнула, чтобы он убирался.

Оказавшись рядом с машиной, я лихорадочно искал ключи. Открыть замок займет не больше времени, чем Марле его закрыть. Но стоит ли открывать? Марле с ребенком безопаснее находиться в машине, во всяком случае, до приезда полиции.

— Мэтью! — вновь заорал Гейнор и, обежав вокруг машины, попытался открыть дверцу багажника. Но Марла его опередила: не выпуская ребенка из рук, неловко потянулась назад, успев заблокировать и ее. Гейнор дернул за ручку мгновением позже.

— Он мой! — крик Марлы приглушили поднятые стекла.

Из дома напротив на шум вышла женщина, несколько секунд пыталась оценить происходящее и поспешно скрылась за дверью.

«Побежала вызывать полицию», — решил я.

Гейнор пару раз стукнул ладонью в окно Марлы, затем решил испытать водительскую дверцу.

Марла не могла дотянуться до запора.

Я поднял брелок дистанционного управления замками, нажал на кнопку, но было поздно.

Гейнор открыл дверцу, нырнул в салон и встал коленями на водительское место, чтобы дотянуться до заднего сиденья. Хотел схватить ребенка, но Марла, вцепившись в Мэтью одной рукой, другой принялась колотить его по плечу.

— Стойте! Прекратите! — Я не знал, кому кричал: ему или ей. Только хотел, чтобы они успокоились, прежде чем кто-то пострадает.

Ухватив Гейнора за пояс, я попытался выволочь его из машины. Он отбивался, ударил меня по ноге ниже колена. Боль была адская, но я не ослабил хватку.

— Остановитесь! Мы хотим вам помочь!

Я удивился собственным словам: чем таким я хочу ему помочь? Может быть, помочь выяснить, что здесь случилось?

А вот Марла — это другая история. У нее каким-то образом оказался его ребенок. Но я до сих пор не мог бы объяснить каким.

В это мгновение, в какую-то долю секунды, посреди этого хаоса я вспомнил кровавое пятно на дверном косяке Марлы.

О нет!

— Отдай! — не переставая, кричал Марле Гейнор, а та лупила его, куда придется. Пару раз умудрилась попасть по голове.

— Марла, перестань! Прекрати сейчас же!

Пока я боролся с Гейнором и почти вытащил его из машины, она, подхватив ребенка одной рукой, как футбольный мяч, открыла противоположную заднюю дверцу, выбралась из машины и побежала.

Гейнор извернулся — он был моложе и в лучшей форме, — прижал меня к внутренней стороне водительской дверцы и врезал кулаком в солнечное сплетение.

Я выпустил его и рухнул коленями на мостовую. Перехватило дыхание, я ловил воздухом ртом.

Он обежал машину и погнался по газону за Марлой. И пока я пытался подняться на ноги, схватил ее за руку.

— Отстань! — завопила она, повернувшись так, чтобы своим телом защитить ребенка от его собственного отца.

— Стойте! — снова выкрикнул я.

Но Гейнор словно не слышал — все его внимание было сосредоточено на Марле. Он судорожно вцепился ей в руку, а она визжала от боли.

— Я его сейчас брошу!

Это подействовало. Гейнор ослабил хватку и отступил на полшага назад. На несколько мгновений все замерло. Было слышно только дыхание. Частое, поспешное Гейнора — он стоял, уронив руки, галстук сбился на сторону, волосы спутаны. Марла шумно хватала воздух открытым ртом. Я все еще судорожно пытался восстановить дыхание после удара в живот. Потом, согнувшись пополам, обошел машину и поднял руку в знак примирения.

Гейнор переводил дикий взгляд с меня на Марлу. По ее щекам текли слезы, и Мэтью тоже заплакал.

— Пожалуйста, не делайте ему больно, — попросил он.

Измученная такой просьбой, она помотала головой.

— Сделать больно ему? Это же вы все время так делаете!

— Нет-нет, пожалуйста, — умоляюще пробормотал он.

Я сумел разогнуться и, переступив через отбойный камень на газон, позвал:

— Марла, сейчас важнее всего, чтобы с Мэтью не случилось ничего плохого. Так?

— Да. — Она недоверчиво посмотрела на меня.

— Он — наша первейшая забота. Согласна?

— Он мой сын, — вставил Гейнор. — Скажите ей, пусть отдаст моего...

Я предостерегающе поднял руку.

— Мы все хотим одного — чтобы Мэтью был в безопасности.

Вдали послышались первые сирены.

— Конечно, — сказала она.

— Марла, в доме кое-что произошло, и сюда едет полиция. Через несколько минут здесь начнется суэта, копы будут задавать каждому из нас множество вопросов. Мы ведь не хотим подвергать такому испытанию Мэтью? Одни думают одно, другие — другое, но суть дела в том, чтобы не повредить ребенку.

Она ничего не ответила, только крепче прижала к себе малыша.

— Ты мне доверяешь?

— Не знаю, — ответила Марла.

— Мы двоюродные брат и сестра. Мы одна семья. Я не сделаю тебе ничего плохого. Только хочу помочь справиться со всем этим. Верь мне.

Взгляд Гейнора по-прежнему метался между нами.

— Ну, допустим, поверю. — Я заметил, что она уже не с такой силой прижимала к себе плачущего ребенка.

Сирены звучали все громче. Я на долю секунды отвел от нее глаза и заметил, что из-за поворота за соседним кварталом выруливает городской полицейский автомобиль с включенными проблесковыми маячками.

— Дай его мне. — Я покосился на Гейнора. — Вы не против, если она даст его мне?

Он встретился со мной взглядом и медленно ответил:

— Хорошо.

Марла застыла, но тоже быстро посмотрела вдоль улицы, по которой неумолимо накатывала волна полицейских машин, и в ее глазах с новой силой вспыхнул испуг.

— Если нельзя, чтобы он был со мной...

— Марла!

— Может, лучше, чтобы никто...

— Не говори так, Марла! — Господи, на что она способна решиться? Броситься под колеса полицейской машины с Мэтью на руках?

Полицейская машина — пока всего одна, — скрипнув тормозами, остановилась, и из нее выскочили двое полицейских: чернокожий и белый. Я не сомневался, что знал их в то время, когда писал репортажи для «Стандард». Чернокожего звали Гилкрайст, белого — Гумбольдт.

— Дай его мне! — крикнул Гейнор и угрожающе пошел на Марлу.

Гилкрайст достал револьвер, но держал его дулом к земле.

— Сэр! — рявкнул он громовым голосом. — Не прикасайтесь к этой женщине!

Гейнор поднял глаза на копа и ткнул пальцем в сторону Марлы:

— Это мой сын! У нее мой сын!

Черт! Ситуация хуже некуда и через долю секунды грозит превратиться в критическую.

Полицейские понятия не имели, что тут происходит. Наверное, решили, что это спор об опеке. Громкие домашние разборки.

— Офицер Гилкрайст, — позвал я.

Голова чернокожего копа дернулась в мою сторону.

— Я вас знаю?

— Дэвид Харвуд. Когда-то работал в «Стандард». Это моя двоюродная сестра Марла. Она сейчас переволновалась и... готова отдать мне ребенка. А мистер Гейнор не против. Я прав?

— Всем оставаться на своих местах, — приказал Гилкрайст. Его напарник подошел ближе. — Просветите нас, Харвуд.

— Будет проще разговаривать, если Марла отдаст мне ребенка.

— Вы согласны? — Это были первые слова, которые произнес Гумбольдт, обращаясь к Биллу Гейнору.

Тот кивнул.

— Как насчет вас, Марла? — спросил Гилкрайст.

Марла сделала четыре неверных шага в мою сторону и осторожно отдала мне плачущего ребенка. Я прижал его к груди одной рукой и осторожно обнял другой, чувствуя тепло и трепетание маленького тельца.

Гилкрайст убрал оружие.

— В доме... — сказал я срывающимся голосом. — Вам надо... зайти в дом.

— Что там в доме? — спросил Гумбольдт.

Ему ответил Гейнор:

— Моя жена.

В этих двух словах было столько боли, что полицейским не пришло в голову спрашивать, что с ней приключилось.

Гумбольдт с револьвером в руке осторожно приблизился к открытой передней двери. Вошел в прихожую, и дом словно поглотил его.

Гилкрайст нажал на кнопку висящей на плече рации и попросил подкрепления на Брекнвуд-драйв. Сказал, что, видимо, потребуются детектив и команда экспертов-криминалистов.

Марла покрасневшими глазами посмотрела на меня. Я ждал, что она спросит, что там такое в доме, но она промолчала. Вместо этого опустилась на траву и, встав на колени и прижав ладони к лицу, разрыдалась так сильно, что сотрясалось все ее тело.

Зазвонил мой мобильник. Он лежал во внутреннем кармане пиджака на груди, и у меня возникло ощущение, что сквозь мое тело пропустили электрический разряд. Свободной рукой я достал трубку, посмотрел, кто звонит, и поднес к уху.

— Слушаю, Агнесса.

— Я в доме Марлы. Здесь никого нет. Что, черт возьми, происходит?

Заплакал Мэтью.

— Мы не там, — ответил я.

— Это что еще? Господи, ребенок?

— Да. Понимаешь, Агнесса...

— Где вы? Куда подевались?

Мне даже не удалось вспомнить адрес. Пришлось поднять голову и прочитать написанный на табличке номер дома.

— А улица, Дэвид? Это бы мне здорово помогло.

Пришлось на мгновение задуматься.

— Бреконвуд. Знаешь, где это?

— Да, — бросила Агнесса. — Что вам там понадобилось?

— Приезжай, увидишь.

— Твоя мать сказала, у тебя возникали бредовые мысли вызвать полицию? Что бы там ни было, не делай этого.

— Поздно, тетя Агнесса.

— Хорошо, давайте уточним, правильно ли я вас понял, — переспросил Барри Дакуэрт, сидя у стола напротив шефа службы безопасности Теккерей-колледжа Клайва Данкомба. — По территории кампуса бродит сексуальный насильник, и вы решили, что городская полиция — последнее место из всех, где об этом положено знать?

— Вовсе нет, — возразил Данкомб.

— На мой взгляд, это так.

— У нас достаточно сил, чтобы справиться с разного рода ситуациями. В моем распоряжении пять человек.

— И еще студенты, которых вы можете привлекать, если того требуют обстоятельства. Признайтесь, вы зовете химиков, если требуется криминалистическая экспертиза? У вас есть комната для допросов или может стодиться аудитория для лекций? Отпечатками пальцев могут заняться обучающиеся на отделении искусств. Чернил у них предостаточно.

Данкомб не ответил. Вместо этого выдвинул нижний ящик стола и достал папку со стопкой документов в полдюйма толщиной. Открыл и начал читать:

— Четырнадцатое января. Двадцать два часа семнадцать минут. Вандал кидает кирпич в окно столовой. Звонок в городскую полицию. Ответ: нет ни одного свободного человека, указание институтской службе безопасности представить рапорт. Второе февраля, ноль часов три минуты. Пьяный студент кричит и срывает с себя рубашку на лестнице в библиотеку. Звонок в городскую полицию. Ответ: представить копию рапорта. Мне продолжать?

— Вы полагаете, разбитое стекло и пьяный дебош равносильны изнасилованию?

Данкомб покачал пальцем.

— Изнасилования фактически не было. Поэтому мы решили не беспокоить полицию Промис-Фоллс. — Он улыбнулся. — Мы же понимаем, как вы заняты.

— Дело может на этом не закончиться.

— Знаю. До того, как занять эту должность, я служил в полиции Бостона.

У Дакуэрта чуть не вырвалось, что тогда тем более он должен понимать ситуацию, но полицейский сдержался. Он сознавал, что взял с начальником службы безопасности неправильный тон. Помощь того могла еще понадобиться, что бы тут ни происходило. Но он завелся и ничего не мог с собой поделать.

— От имени городской полиции приношу глубочайшие извинения за недостаточное внимание к тем случаям.

Данкомб что-то коротко промычал.

— Мм... — И кашлянул. — Вы должны понимать, как непросто работать на этом посту. Начальство давит: администрация, ректорат.

— Продолжайте.

— Перед теми, кто размышляет, куда отправить детей учиться, большой выбор.

— Не сомневаюсь.

— А за Теккерей-колледжем тянется шлейф дурной славы. Это еще с тех времен, несколько лет назад, когда я здесь не работал. Ректор и скандал с плагиатом, потом стрельба. Помните?

— Да.

— Дело, конечно, прошлое. Я хочу сказать, все постепенно забывается. Прошло почти десять лет. И если кто-то решает отправить детей учиться в другой колледж, то вряд ли по причине тех давних историй. Но нам не нужна шумиха в прессе — сообщения, что сумасшедший маньяк охотится на девушек. Вот тогда папа с мамой могут решить послать свою малютку Сьюзи искать мужа в другом учебном заведении.

Барри Дакуэрту этот человек не нравился.

Данкомб перевел дыхание и продолжал:

— Поэтому, прежде чем звать на помощь морскую пехоту или городскую полицию, мы пытаемся закрыть вопрос сами и поймать негодяя. Мои люди патрулируют по ночам территорию, а одна из них — женщина по фамилии Джойс, горячая штучка лет тридцати, — служит своеобразной приманкой и пытается выманить насильника на себя.

Дакуэрт откинулся на стуле.

— Вы серьезно?

— А что? Разве это не ваши методы?

— У этой Джойс есть специальная полицейская подготовка? Она владеет приемами самообороны? Поддерживает постоянную радиосвязь с остальными членами вашей группы? Вы ее прикрываете?

Данкомб вскинул обе руки ладонями вперед.

— Тпру! Начнем с того, что я был копом, и чертовски неплохим. Сам натаскивал Джойс и передавал опыт. Кроме того, она закончила аккредитованные курсы охранников службы безопасности. Что касается всего остального, о чем вы говорите, я бы не очень трепыхался по этому поводу, потому что она идет на задания не с пустыми руками.

— Джойс вооружена?

Данкомб ухмыльнулся и сделал жест, будто держит пистолет и нажимает на курок.

— Я ей, конечно, не приказал пристрелить негодяя, но у нее есть все средства заставить его вести себя прилично.

Дакуэрт мог перечислить бесчисленное количество вариантов, когда такой подход мог привести к роковым последствиям.

— Сколько было нападений? — спросил он.

— Три за последние две недели, — ответил Данкомб. — Все поздно вечером. Девушки возвращались домой из одной части кампуса в другую — шли в свое общежитие. По дороге много рощиц, где можно спрятаться. Мужчина выскакивал, хватал их сзади, пытался затащить в кусты, лапал в свое удовольствие.

Дакуэрт размышлял, по доброй ли воле шеф охраны колледжа принял решение оставить службу в полиции Бостона.

— В каждом случае девушкам удавалось вырваться и убежать. Никто не пострадал.

— Физически, — поправил полицейский.

— Это я и имею в виду, — согласился Данкомб.

— Приметы подозреваемого?

— Отрывочные описания, хотя и совпадают у всех трех жертв.

— Белый? Чернокожий?

Данкомб покачал головой:

— На нем была лыжная маска плюс толстовка с капюшоном. Футбольный вариант, с номером на ней.

— Он что-нибудь говорил?

— Ничего. По крайней мере ни одна из девушек не вспомнила. Но как я сказал, мы над этим работаем. К концу дня будут готовы столбики с тревожными кнопками, и у меня полное ощущение, что мы не только поймаем урода, но и вернем здешним девушкам чувство полной безопасности.

— Мне нужны имена.

— Чьи?

— Тех девушек, на которых напали. Фамилии, имена и контактные данные. Их необходимо допросить.

— Полагаю, мы сами с этим справимся.

— Это не входит в компетенцию Теккерей-колледжа. Это дело городской полиции. Насильник — не обязательно студент, он может быть горожанином. Или наоборот, если он из студентов или даже из преподавателей...

— Господи, давайте не будем строить таких маловероятных предположений.

— И если даже из преподавателей — ничто не мешает ему выйти на охоту в городе. Вам без наших ресурсов и опыта не обойтись. Мы должны допросить тех девушек.

— Ладно, согласен. Дам вам их данные. — Данкомб накрыл ладонью крышку стола. — Со всем разобрались?

— Нет еще, — ответил Дакуэрт. — Я приехал по другому делу.

— Вот тебе раз! Выкладываете.

— Не было ли замечено на территории колледжа случаев жестокого обращения с животными?

— Случаев жестокого обращения с животными? — Шеф службы безопасности медленно покачал головой. — Хотя полагаю, что на факультете биологии по-прежнему продолжают расчленять лягушек. Неужели лягушонок Кермит накатыл вам жалобу?

— Не случались отравления собак или кошек? Не попадались отрубленные головы канадских гусей? Я видел много этих птиц в округе.

Данкомб снова покачал головой:

— Ничего похожего. А что?

Полицейский почувствовал вибрацию телефона в кармане пиджака.

— Прошу прощения. — Он достал трубку. — Дакуэрт слушает. — Несколько секунд молчал, а затем извлек из кармана ручку и маленькую записную книжку. Записал продиктованный адрес и убрал телефон. Встал. — Не посылайте больше вашу Джойс в качестве приманки. И сообщите данные тех девушек.

Затем бросил на стол визитную карточку и вышел.

Дэвид

Пока страсти не улеглись, Билл Гейнор не возражал, чтобы я держал Мэтью на руках. Но когда вся Брекконвуд-драйв заполнилась роем полицейских машин, делать этого не собирался. Однако согласился, чтобы Мэтью перешел на руки женщины из команды полицейских, которая, в свою очередь, собиралась передать его первому объявившемуся представителю городского отдела защиты детей.

Хотя вряд ли Гейнор смог бы спокойно держать на руках плачущего ребенка и одновременно объяснять, что случилось на кухне с его женой Розмари. Особенно если бы при этом пришлось идти в дом.

Я не мог выбросить из головы картину: безжизненный женский взгляд, направленный в потолок, кровь повсюду, разодранная блузка.

Гейнор был не единственным человеком, кого приходилось убеждать, что Мэтью, хотя бы на время, лучше передать на попечение кому-то другому.

— Они мне его никогда не отдадут, — хныкала Марла. — Если забрали, то навсегда.

Мы стояли у моей машины, я обнимал двоюродную сестру, а на нее один за другим накатывали приступы истерики.

— Надо подождать и посмотреть, как будут развиваться события, — уговаривал я ее, хотя понимал, что на нас скорее упадет метеорит, чем ей вернут ребенка Гейноров.

Я несколько не сомневался, что Мэтью их сын. Не то чтобы мне об этом прямо объявили, но несложно было, соединив одно с другим, сделать вывод. У Марлы в доме оказался чужой младенец. Его появление она объяснила безумной историей, будто к ней явился ангел и вручил мальчика, словно почтовую посылку. В кармашке коляски лежала адресная реклама. Когда Билл Гейнор вернулся из деловой поездки домой, его охватила паника, потому что пропал его ребенок Мэтью.

И он без колебаний узнал своего сына, которого держала на руках посторонняя женщина в чужой машине.

Расставить точки над *i* не составляло труда.

Поэтому я решил, что шансы Марлы вернуться домой с Мэтью ничтожно малы. Но теперь размышлял о другом: какова вероятность, что она имеет отношение к смерти Розмари Гейнор? Успокаивая двоюродную сестру, я ломал голову над вопросом: способна ли она на такое злодеяние?

И откровенно говоря, не находил ответа.

Полицейские задали нам несколько предварительных вопросов и велели ждать, когда приедет детектив. Прошло немного времени, и я увидел Барри Дакуэрта. Я познакомился с ним несколько лет назад и не в связи с работой в «Стандард», а по личному делу. В сером, плохо сидящем костюме он производил впечатление человека, так и не сумевшего выиграть вечную битву с напольными весами в ванной.

Шагая к дому, он бросил взгляд в мою сторону, и на его лице на короткое мгновение возникло недоумение. Сначала он, наверное, решил, что я приехал делать репортаж, но, вспомнив, что «Стандард» закрылась, понял, что я тут по другой причине.

Ничего, скоро все узнает.

Входя в дом, он перебросился несколькими фразами с Гилкрайстом — полицейским, который до этого разговаривал с Гейнором.

Господи, через что еще предстоит пройти этому человеку?

Дакуэрт пожал Гейнору руку, а затем дверь закрылась.

— Что ты видел в доме? — спросила меня Марла. Она уже понимала, тут что-то неладно. На улицу понаехало столько полиции, что было ясно: в доме произошла трагедия.

— Его жену, — ответил я. — На кухне. Ее зарезали. Она мертва.

— Какой кошмар! Ужасно, — проговорила Марла. И, помолчав, добавила: — Хочешь знать, что я думаю?

— Ну, скажи, что ты думаешь.

— Готова поспорить, это его рук дело. Того мужчины. Ее мужа. Не сомневаюсь, это он ее убил.

Я взглянул на нее.

— Почему ты так считаешь, Марла?

— Просто чувствую. Но уверена — его работа. Когда установят, что убийца он, ему не оставят ребенка.

Я понял, куда она клонит.

— Марла, ты знала эту женщину?

— Ты об этом уже спрашивал. У меня дома. Я тебе ответила: никогда о ней не слышала.

— Может, где-нибудь встречала, но не знала, как зовут? — У меня не было фотографии убитой, чтобы показать Марле, поэтому вопрос был бессмысленным. Хотя даже с фотографией толку все равно бы не было. Поэтому ответ двоюродной сестры был вполне предсказуемым:

— Не думаю. Я ведь почти никуда не выходила.

— А здесь не была? В этом доме?

Марла подняла голову и мгновение изучала фасад.

— Вроде бы нет. Но дом хороший. Я бы хотела в таком жить. Большой, а мой такой маленький. Вот бы заглянуть внутрь, посмотреть, как там все устроено.

— Сейчас тебе это вряд ли удастся, — мрачно предрек я.

— Ну да. — Она кивнула.

— Так ты утверждаешь, что не приходила сюда за Мэтью вчера или позавчера? Не здесь его нашла?

— Сколько раз можно повторять? — устало отозвалась она. — Ты мне не веришь?

— Конечно, верю.

— Не похоже.

Я взглянул вдоль улицы, которую успели с обеих сторон перегородить лентами. Агнесса, приподняв ленту, поднырнула под нее и направилась к нам. Полицейский попытался ее остановить, но она только отмахнулась.

— Твоя мать, — сказал я Марле и почувствовал, как она напряглась.

— Не хочу с ней разговаривать. Она сейчас взбесится.

— Агнесса может тебе помочь, — заметил я. — Она знакома с нужными людьми, например, с хорошими адвокатами.

Марла с грустным недоумением взглянула на меня.

— Зачем мне адвокат? У меня что, неприятности?

— Марла! — закричала, приближаясь, Агнесса.

Двоюродная сестра отпрянула от меня и повернулась навстречу подошедшей матери. Та заключила ее в объятия секунды на три, не больше, не давая дочери времени ответить на ласку. Затем внимательно посмотрела на меня и спросила:

— Что здесь происходит?

Ей ответила Марла:

— Очень трудно объяснить, мама, но...

— Поэтому я спрашиваю твоего двоюродного брата. — Агнесса не сводила с меня глаз.

У меня пересохло во рту, и я облизал губы.

— Я заехал к Марле. Она нянчила ребенка. В кармашке коляски лежала реклама с этим адресом. Мы прикатили сюда навести справки. Хозяин дома уезжал по делам, но вернулся одновременно со мной. — Я запнулся. — И обнаружил жену... мертвой.

Лицо Агнессы сразу потухло.

— Еще что-то непонятное с их няней. Мистер Гейнор спрашивал о некоей Сарите. Он полагал, что она в доме, но ее там не оказалось.

— Боже праведный! — воскликнула Агнесса. — Кто эти люди? Как зовут женщину, которую убили?

— Розмари Гейнор, — ответил я.

Агнесса порывисто отвернулась и взгляделась в дом, словно решила, что если долго смотреть, можно выведать у него правду. Я добрых десять секунд созерцал ее спину, прежде чем она вновь обратилась ко мне:

— Где ребенок?

— Он пока на попечении полиции или людей из отдела по защите детей. А мистера Гейнора допрашивают копы.

— Его зовут Мэтью. — Марла сделала к нам шаг, чтобы тоже участвовать в разговоре. И мать засыпала ее вопросами:

— О чем ты думаешь? Как все произошло? Каким образом ребенок оказался у тебя? Неужели ты так ничему и не научилась после того, что случилось в моей больнице? Абсолютно ничему?

— Я...

— Не могу поверить! Что на тебя нашло? Что ты творишь? Ты украла его в магазине? Выхватила из коляски? — Агнесса зажала ладонью рот. — Скажи, что ты взяла его не здесь. Ты не имеешь к этому отношения?

Глаза Марлы наполнились слезами.

— Я не сделала ничего дурного. Мне его дали — принесли к дверям — и попросили за ним присмотреть.

— Кто? — выкрикнула Агнесса. — Мать? Жена Гейнора?

— Понятия не имею, кто она такая. Она мне не сказала.

— Хочешь знать мое мнение, Марла? Ни один человек на свете не поверит твоему рассказу. — И добавила больше себе, чем нам: — Надо придумать что-то получше. — Затем раздраженно посмотрела на меня и спросила: — Полицейские ее допрашивали?

— Бегло. Видимо, решили сначала разобраться с местом преступления, а нас попросили не уезжать. Детектив уже здесь и группа криминалистов, наверное, тоже.

— Ты не скажешь никому ни слова. Ни единого слова. — Агнесса помахала пальцем перед лицом дочери. — Поняла? Особенно полицейским. Даже если спросят, когда у тебя день рождения, отвечай, чтобы обращались к твоему адвокату.

Она порылась в сумке и достала телефон. Пробежалась по контактам, нашла нужный номер и ткнула большим пальцем в кнопку набора.

— Говорит Агнесса Пикенс. Соедините меня с Натали. Меня не интересует, с клиентом она или нет. Мне надо переговорить с ней сию секунду.

«Натали Бондурант», — догадался я. Один из светлейших юридических умов нашего города. В прошлом она помогла и мне.

— Натали, это Агнесса Пикенс. Чем бы ты ни занималась, бросай. У меня проблема. Нет, не в больнице. Объясню, когда приедешь. — Она назвала адрес и прервала разговор, прежде чем адвокат успела что-либо возразить. Затем повернулась ко мне: — Тебя это тоже касается.

— Что именно?

— Ни слова полиции. Тебе нечего сказать.

Первое, что пришло мне в голову, — детское: «Не командуй тут!» Но сказал я другое:

— Я сам решу, что говорить полиции, Агнесса.

Ей это не понравилось.

— Дэвид, — прошептала она, чтобы Марла не услышала, — ты же видишь, что здесь случилось.

— Мы пока не знаем.

— Достаточно, чтобы понять, что Марле требуется защита. Что бы она ни натворила, ее вины в том нет. Марла больна и не отвечает за свои действия. Мы все должны о ней заботиться.

— Разумеется, — согласился я.

— Она давно не в порядке, но потеря ребенка сильно подействовала на ее психику.

— Что ты такое говоришь? — спросила ее дочь.

— Все в порядке, дорогая. Просто разговариваю с Дэвидом.

— Я буду иметь в виду, что ты сказала, — пообещал я тетке. — Только не думаю, что моя роль обязывает меня молчать в тряпочку, когда полицейские станут задавать вопросы.

Агнесса покачала головой.

— Поистине сын своей матери. Такой же упертый, как Арлин. — Она обвела взглядом россыпь полицейских машин. — Пойду узнаю, кто у них главный. — И отправилась на поиски начальства.

Моя двоюродная сестра взглянула на меня:

— Ты должен мне помочь.

— Твоя мама этим занимается, — сказал я. — Натали, с которой она разговаривала по телефону, вероятно, Натали Бондурант. Она хороший адвокат.

— Ты что, не понял? — расстроилась Марла. — Слышал, что она сказала? У меня проблема.

— Она имела в виду...

— Я понимаю, что она имела в виду. Трясется прежде всего за свою репутацию.

— Если это даже так, все шаги, которые она предпримет, защищая себя, в конечном итоге послужат защитой и тебе.

Марла обеспокоенно озиралась по сторонам, словно искала безопасное место, куда бежать, но не находила.

— Мне кажется... может быть, я в опасности.

Я наклонился к ней, положил ладони на плечи. Главный вопрос я ей уже задавал, но

почувствовал, что настало время спросить во второй раз.

— Марла, посмотри на меня. Ты ничего не сделала этой женщине? Матери Мэтью? Может, на мгновение нашло затмение, и ты совершила нечто такое, чего вовсе не хотела?

Задавая вопрос, я сомневался, хочу ли знать ответ. Если Марла признается, что убила Розмари Гейнор и удрала с ее сыном, смогу ли я скрыть правду от полиции?

Я знал, как бы ответила на этот вопрос Агнесса.

— Дэвид, я никогда бы не сделала ничего подобного, — едва слышно прошептала Марла. — Никогда!

— Ладно, ладно, все нормально.

— Так ты мне поможешь?

— Конечно. Хоть ты не веришь материнским мотивам, обещаю, как только она заполучит Натали...

— Нет, нет... — В глазах моей двоюродной сестры стояла мольба. — Ты! Ты мне должен помочь. Это твоя работа. Ты умеешь задавать вопросы и выяснять обстоятельства.

— Я больше этим не занимаюсь.

— Но ты знаешь, как это делается. Найди женщину, которая отдала мне Мэтью. Найди ее. Она подтвердит, что все, что я говорю, — правда.

— Послушай, Марла...

— Обещай, — попросила она. — Обещай, что поможешь мне.

Я крепко обнял сестру, посмотрел ей в глаза и сказал, стараясь подобрать нужные слова:

— Знай, что я на твоей стороне.

Марла обвила меня руками, и ее лицо вдруг обмякло и как-то расплылось.

— Спасибо, — выдохнула она, уткнувшись мне в грудь, явно не понимая, что мой ответ меня ни к чему не обязывает.

— Не понимаю, что происходит, — бросила Арлин Харвуд, стоя на верхней ступени лестницы в подвал. — Хотела позвонить Дэвиду, но подумала, если бы у него было что нам сообщить, он позвонил бы сам. Ужасная ситуация. Просто ужасная!

Дон Харвуд, сидя на стуле, зажимал в тиски нож газонокосилки, который собирался заточить. Мастерская в подвале, в отличие от той, что находилась в гараже, была порядком заставлена. Здесь на листе фанеры размером четыре на восемь он еще до того, как Дэвид с сыном уехали в Бостон, устроил для Итана железную дорогу. Мальчик к ней интерес потерял, а Дон — нет и не мог себя заставить ее разобрать. Он вложил в нее много труда: соорудил станцию, где на платформе стояли миниатюрные пассажиры, когда поезд проходил переезд, там мигали запрещающие огни светофора, сделал даже миниатюрную копию городской водонапорной башни с надписью «Промис-Фоллс».

— Да... — протянул Дон, не оборачиваясь. Он прикидывал, под каким углом держать точильный камень, чтобы нож стал острым, как бритва. — От этой девчонки одни неприятности. Всегда были и всегда будут. После того как она хотела украсть из больницы ребенка, твоей сестре следовало поместить ее на некоторое время в психиатрическую лечебницу.

Арлин спустилась до половины лестницы так, что теперь муж мог видеть ее от пояса и ниже, если бы соизволил оторвать взгляд от ножа.

— Ты говоришь ужасные вещи.

— Разве? Если бы она так поступила, то, может быть, теперь не пришлось бы с ней маяться. Черт! Куда запропастился точильный камень? — Дон внезапно поднял голову и принялся. — Арлин, у тебя что-нибудь стоит на плите?

— Что?

— Запах такой, будто что-то подгорает.

— Боже! — Она охнула, повернулась и побежала вверх. Но за две ступени до верхней площадки споткнулась и, ткнувшись носом вперед, вскрикнула.

— Проклятие! — Дон вскочил со стула и поспешил на помощь.

— Какая я дура! — Арлин пыталась подняться.

Муж присел рядом с ней.

— Где болит? Что ты ушибла?

— Ногу. Ниже колена. Вот незадача! Сходи выключи плиту.

Дон поспешил вверх. На кухне со сковороды валил дым — обугливались с полдюжины приготовленных на обед колбасок. Схватив за ручку, он передвинул сковороду на соседнюю конфорку. Открыл шкаф и, выбрав самую большую крышку, накрыл ею сковороду, преграждая дорогу дыму и первым язычкам пламени.

Сердце гулко колотилось, и Дон оперся о стол, чтобы перевести дыхание. Он давно не бегал вверх по лестнице — уж точно после того, как с ним приключился инфаркт.

Послышалось шарканье — в обрамлении двери в подвал возник силуэт жены. Ей удалось добраться до верха, но на бежевых слаксах ниже колена алело кровавое пятно.

— Дорогая, ты в самом деле сильно повредила ногу.

— Ничего, обойдется. Решила приготовить колбаски, чтобы перед обедом подогреть в тостере, а устроила вот что.

— Все в порядке, — успокоил жену Дон. — Я приготовлю что-нибудь еще. Открою консервированный суп.

Арлин хромая подошла к столу и опустилась на стул.

— Штаны испортила. Новые, только что купила. Теперь не отстираю.

— Выброси из головы, — успокоил ее Дон. — Дай-ка посмотрю.

Отлепившись от стола, он осторожно присел на колено и, закатав брючину жены, осмотрел рану.

— Такие ушибы жутко болезненны: попала по костяшке, содрала кожу и, наверное, распухнет. Перелома не чувствуешь?

— Не похоже.

— Сиди, не вставай. — Пользуясь столом, как рычагом, и чувствуя, как скрипят кости, Дон поднялся и порылся в ящике, где держал аптечку первой помощи. Промыл ссадину, забинтовал ногу, затем достал из холодильника мягкий пакет со льдом. — Приложи. Положи ногу на соседний стул, тогда лед не будет сползать.

Он спустил ей брючину, чтобы пакет не касался кожи, и устроил ногу на стуле.

— Холодно, — пожаловалась Арлин.

— Ничего, привыкнешь. Чуток поддержи.

Жена коснулась его руки.

— Я совсем спятила.

— Не говори глупостей.

— Все забываю. Памяти вовсе не стало.

— Мы оба такие. У меня тоже все из головы вылетает. Помнишь, вчера вечером я никак не мог вспомнить фамилию актера из того фильма?

— Какого фильма?

— Где актер все время сражается с какой-то штуковиной. И еще там симпатичная актриса. Ну, ты знаешь, она тебе нравится.

Арлин грустно улыбнулась.

— Ты не лучше меня.

— Я хочу сказать, что мы забываем всякую ерунду вроде фамилий актеров, а все важное помним.

— Если что-то стоит на плите — это важно и надо помнить. Постоянно теряю ключи. Третьего дня не могла найти свою банковскую карту. Потом наткнулась на нее в ящике комода. Почему я положила ее в комод, а не в бумажник?

Дон пододвинул третий стул, чтобы устроиться рядом с женой, и обнял ее за плечи.

— Ты замечательная. Мы стареем, память становится хуже. Но ты замечательная. Не думай о колбасках. Если будешь в состоянии, сходим куда-нибудь поедем.

— Ты не сможешь, — вдруг возразила она.

— Почему?

— Потому что ты встречаешься с Уолденом. Зря я жарила эти колбаски, ведь тебя не будет во время обеда дома.

— Ты о ком? Об Уолдене Фишере?

— Разве тебе известны другие Уолдены?

— Фишер хочет ко мне прийти?

— В одиннадцать. Он говорил о кофе, но если вы уйдете в одиннадцать, большая вероятность, что кофе обернется обедом.

— Это для меня новость. — В голосе Дона послышалось сомнение.

— Неужели? Невероятно.

— Почему?

— Он только вчера звонил. Уверена — именно вчера. Сказал, что сегодня заскочит. Разве я тебе не говорила? Точно не говорила?

— Не важно.

— Даже сделала пометку. Как сейчас вижу, записала в календарь. Посмотри.

Рядом с телефоном лежал рекламный календарь, который каждый декабрь рассылал по почте местный торговец цветами. В маленькие квадратики Харвуды записывали время назначенных встреч (теперь в основном с врачами).

— Вот, — прочитал Дон. — Уолден. Одиннадцать.

— Я не сомневалась, что записала, и уверена, что сказала тебе. — Пакет со льдом сполз с ее ноги и стукнулся об пол. — Боже всемогущий!

Бен наклонился и осторожно вернул его на место.

— Меньше мучает?

— Мучает уязвленная гордость.

— За коим дьяволом Уолден хочет меня видеть? Мы много лет не разговаривали.

Арлин покачала головой:

— Он явится через несколько минут. Приведи-ка себя в порядок. Я уже пришла в себя.

— Он не сказал, что ему надо?

— Ради бога, Дон, неужели мужчины не могут собраться выпить кофе? Он же твой друг.

— Спорный вопрос, — буркнул муж.

Уолден Фишер был на добрых пятнадцать лет моложе его и еще состоял в городской администрации. До того как Дон ушел на пенсию с поста инспектора по строительству, их дорожки с Уолденом случайно пересеклись, хотя тот работал конструктором в городском инженерном управлении. Именно там Дон начинал свою карьеру в шестидесятых годах.

Дон работал с давно ушедшим из жизни отцом Уолдена и, когда Уолден закончил колледж с инженерным дипломом, замолвил в кадрах за него словечко. Отец Уолдена посчитал, что будет лучше, если за сына похатайствует посторонний, а не родственник. С тех пор Уолден чувствовал себя обязанным за то, что получил приличную должность с достойной зарплатой и минимальным риском вылететь на улицу.

— Не обломишься, если пообщаешься с человеком, — заявила жена.

— Не обломлюсь, — согласился Дон. — Только мы не разговаривали с ним с тех пор, как я ушел на пенсию.

— Но ты же, полагаю, слышал?

— О его дочери? — почти враждебно спросил муж. — Кто об этом не слышал? Прошло всего три года, еще не забылось.

— Не надо огрызаться. И говорю я сейчас не о ней, а о его жене, которая умерла пару месяцев назад.

— Откуда ты узнала? — Голос Дона стал мягче.

— Прочитала в газете, когда она еще выходила. В разделе некрологов.

— О, не знал.

— Жены не стало, и ему, наверное, тяжело оставаться дома, хочется куда-нибудь уйти.

— Что с ней приключилось? — спросил Дон.

— Вероятно, рак. Ну, иди, он будет здесь с минуты на минуту.

Раздался звонок в дверь. Дон застыл, ему не хотелось уходить от Арлин.

— Со мной все в порядке, — успокоила она мужа.

Он еще раз напомнил ей, чтобы подержала лед на ноге, и оставил кухню. Открыл входную дверь, за ней стоял Уолден Фишер. С тех пор как Дон видел его в последний раз, он явно постарел и поседел, хотя и сесть-то осталось почти нечему. Он стал шире в талии, но тучным не сделался. За пятьдесят пять ему уже перевалило, мысленно подсчитал Дон.

— Черт меня побери, кого я вижу! — воскликнул он.

Уолден смущенно улыбнулся:

— Привет, Дон. Сколько лет, сколько зим.

На кухне зазвонил телефон.

— Ты на пенсии?

— Нет, мне еще почти пять лет тянуть лямку. Но накопилась масса отгулов, можно взять денек-другой, и в этом месяце решил полодырничать. Я не вовремя? Тебя предупредили, что я приду?

Телефон снова зазвонил.

— Конечно. Ты с чем пришел?

— Хочу немного позаимствовать у тебя мозгов. Потребовалось пять лет, чтобы компьютеризировать все городское планирование и инженерию. Но большая часть инфраструктуры создана в докомпьютерную эпоху, и это все на бумаге. Чертежи, схемы и все прочее. Данные на каждую водопроводную магистраль, на каждую опору моста и канализационную решетку — все это на больших листах ватмана, скрученных в рулоны и перетянутых резинками. Где что искать, непонятно. Представь, кто-то, уходя на пенсию, забрал с собой свою работу.

— Я ничего не брал, — заверил его Дон.

— Речь не о тебе. Я встречался с несколькими нашими старичками — не обижайся на слово, — спрашивал, не знают ли они, что куда делось. Если бы это выяснить, мы могли бы все занести в компьютер.

— Мне показалось, ты сказал, что в отгуле?

Уолден пожал плечами:

— Когда я сижу в кабинете, у меня нет времени заниматься подобными вещами.

Дон с облегчением вздохнул.

— Повторяю, сам я ничего не брал, но могу восполнить кое-какие пробелы, если ваши теперешние ребята на это не способны. Например, работал над водонапорной башней. — Поэтому он и изготовил ее модель для игрушечной железной дороги.

В третий раз послышался телефонный звонок и вдруг резко оборвался.

— Слушай, я сейчас схожу за пиджаком, и мы посидим в «Келлиз». Закажу себе сэндвич с беконом, а может быть, еще кусочек пирога.

Оставив Уолдена на пороге, Дон пошел за пиджаком, но, прежде чем открыть шкаф в прихожей, заглянул на кухню. Он беспокоился, что Арлин могла встать, чтобы ответить на телефонный звонок. Так и случилось.

Жена стояла, прислонившись к столу, на одной ноге, подогнув другую, и держала у уха телефонную трубку. Она посмотрела на мужа.

— Я думала, это Дэвид с новостями о Марле. Но это из школы, ищут Дэвида. У них есть номер его мобильного телефона, но бостонский. С тех пор он сменил телефон, а им не сообщил. Разве так можно?

— В чем дело? — спросил Дон.

— Что-то случилось с Итаном.

Барри Дакуэрт увлек Билла Гейнора в столовую и, убедившись, что ведущая на кухню дверь закрыта, выдвинул из-за стола два стула и повернул друг к другу.

— Садитесь, мистер Гейнор.

— Только еще раз скажите, где Мэтью?

— С Мэтью все в порядке. О нем не тревожьтесь. Прошу вас, садитесь.

Билл устроился на стуле. И когда Дакуэрт сел напротив, их колени оказались в футе друг от друга.

— Его же не отдадут той ненормальной?

— Пусть это вас не волнует. Вы ее знаете, мистер Гейнор?

— Нет. Вижу в первый раз.

— Мне доложили, ее зовут Марла Пикенс. Это имя вам что-нибудь говорит?

Билл устало покачал головой:

— Ничего.

Дакуэрт заметил на сервировочном столе у стены фотографию.

— Это вы с женой?

Гейнор выглядел старше мужчины на снимке.

— Снимались, когда женились.

Полицейский взгляделся в фотографию. У Розмари Гейнор были прямые черные волосы до плеч. С той поры и по сей день ее прическа не изменилась. Глаза темно-карие, кожа бледная, никаких румян и губной помады, чтобы оживить лицо.

— Что будут делать с моей Розмари? — спросил Гейнор.

— Простите? — не понял Дакуэрт.

— С моей женой? — Гейнор кивнул в сторону кухни. — Что с ней будет? Как с ней поступят?

— Отвезут в криминалистическую лабораторию, — объяснил Дакуэрт. — Произведут вскрытие. После чего отдадут, чтобы вы могли сделать соответствующие распоряжения.

— Зачем?

— Что зачем?

— Зачем делать вскрытие? Господи, на нее достаточно взглянуть, чтобы сразу понять, что с ней. — Он уткнулся лицом в ладони и заплакал. — Неужели она мало натерпелась?

— Я вас понимаю, — мягко заметил детектив. — Но экспертиза может дать много полезной информации и помочь нам найти того, кто это сделал. Если только у вас нет на этот счет своих мыслей.

Не отрывая рук от лица, Гейнор покачал головой.

— Ни малейших. Роз все любили. Это дело рук маньяка. Той женщины. Сумасшедшей. Господи, Мэтью был у нее. — Билл поднял голову и посмотрел на инспектора красными от слез глазами. — Она пыталась украсть нашего сына. А когда Роз хотела ее остановить...

Дакуэрт кивнул:

— Этим мы тоже собираемся заняться. А пока мне хотелось бы понять, когда произошли события. — «Временная последовательность», — думал детектив. — Вот, что мне требуется: временная последовательность». — Когда вы в последний раз разговаривали с женой? Когда сегодня утром уехали на работу?

— Не сегодня — я в последний раз разговаривал с ней вчера.

— В воскресенье?

— Именно. Меня не было в городе. Уезжал по делам.

— Где вы были?

— В Бостоне. С четверга.

— Чем вы там занимались?

— Я... был на собрании в нашей головной конторе. Я страховщик, работаю в страховой компании «Непонсет». Провожу там много времени. Иногда, до того, как родился Мэтью, и если мне предстояло там долго пробыть, ко мне приезжала Розмари.

— Где вы останавливались? — Дакуэрт делал записи в блокноте.

— В «Марриот-Лонг-Уорф». Меня всегда там селят. Какое это имеет значение?

— Мне нужна полная картина, мистер Гейнор. — Дакуэрт решил, что, прежде чем он отсюда уйдет, надо кому-нибудь поручить проверить информацию Гейнора насчет «Марриот-Лонг-Уорфа» и страховой компании «Непонсет». Хотя ничто не свидетельствовало за то, что этот человек мог убить свою жену, супруги всегда в первых строках списка подозреваемых. Бостон, если поспешить, всего в паре часов езды на машине. Гейнор мог приехать вчера после обеда, убить Розмари и вернуться обратно, сделав вид, что никуда не отлучался из города.

Маловероятно, но если не проверить, останется в разряде возможных версий.

— Когда вы уехали из Промис-Фоллс в Бостон? — спросил он.

— Я уже говорил — в четверг. Рано утром, чтобы оказаться на месте к десяти. Серию собраний закончили вчера вечером, но я слишком устал, чтобы вести машину, и отложил возвращение на утро. Встал пораньше и поехал. Постоянно звонил Роз, и на домашний, и на мобильный, но она не отвечала.

— Но вчера вы с ней разговаривали? В воскресенье?

Билл кивнул:

— Около двух. У нас был корпоративный обед, на котором нас накачивали всякими умными идеями. После обеда у меня оставалось еще несколько минут до следующего заседания, и я позвонил по мобильному Роз.

— Она ответила?

Билл снова кивнул.

— О чем вы разговаривали?

— Так, ни о чем. Я сказал, что скучаю. Спросил, как Мэтью. Предупредил, что вернусь скорее всего на следующее утро. Но если передумаю, позвоню и дам знать.

— Больше вы ей не звонили?

— Нет, пока не тронулся утром в путь. — Он прикусил губу. — Надо было возвратиться вечером. Какого черта я задержался? Вернулся бы домой, и ничего бы не случилось.

— По мере расследования мы узнаем больше, мистер Гейнор, но пока представляется, что нападение совершено вчера во второй половине дня. Даже если бы вы вернулись вечером, это вряд ли что-либо изменило.

Билл Гейнор закрыл глаза и медленно втянул в себя воздух.

— Я заметил, что у вас в доме установлена система охраны.

Гейнор поднял веки.

— Да, но Роз включала ее только на ночь, когда ложилась спать, а днем держала выключенной. Иначе приходилось бы постоянно отключать, когда она открывала дверь,

чтобы сходить в магазин или погулять с Мэтью. Поэтому на день выключала.

— Хорошо. А как насчет замка?

Быстрый кивок.

— Запирать она не забывала. А когда возвращалась домой, закрывалась еще на задвижку.

— У нее были друзья? Она состояла в каком-нибудь клубе? Например, в женском университетском, физкультурном или в каком-нибудь другом?

— Нет. — Гейнор покачал головой.

— Я должен задать вам следующий вопрос: не было ли у нее кого-нибудь еще?

— Кого-нибудь еще?

Дакуэрт промолчал, давая Гейнору время осмыслить его слова.

— О нет, мы были друг другу верны. Она недавно родила. Да что вы, как можно такое спрашивать?

— Прошу прощения. С законом проблем не было?

— Вы серьезно? Разумеется, нет. Хотя неделю назад ее оштрафовали за превышение скорости, но это вряд ли можно назвать проблемами с законом.

— Конечно, нельзя, — мягко согласился инспектор. — У вас в городе есть родственники?

— Нет. Мы вообще небогаты на родню. Я единственный ребенок в семье, и мои родители скончались, когда мне еще не было двадцати. У Роз была старшая сестра, но она давно умерла.

— Как это случилось?

— Занималась верховой ездой, упала с лошади и сломала шею.

Дакуэрт поморщился.

— Родители?

— Роз, как и я, их рано потеряла. Мать — когда ей было девятнадцать, отца — в двадцать два года.

— То есть нет ни родителей, ни родственников, у которых мог быть ключ от вашего дома?

— Только у Сариты.

— Кто такая Сарита?

— Няня. Не знаю, куда она подевалась. Должна была находиться здесь. Я уверен, что сегодня день, когда она работает по утрам.

— Как фамилия Сариты?

Гейнор открыл рот, но ничего не произнес.

— Фамилия Сариты? — повторил инспектор.

— Я... никогда не знал, как ее фамилия. Такими вопросами занималась Роз. — Билл от смущения покраснел. — Это мой просчет, я должен был спросить.

— Хорошо. — Дакуэрт ничем не выдал своего неодобрения. — Что вы можете о ней рассказать?

— Когда родился Мэтью, я подумал, что неплохо бы найти для Роз помощницу. У нее были проблемы со здоровьем. Чтобы кто-нибудь приходил несколько раз в неделю и помогал. Сарита не только няня, хотя у нее есть необходимая подготовка и она работала с детьми. Она разгружала Роз. Давала ей возможность выйти из дома. Сделать покупки и не тащить за собой сына, не возиться с автомобильным креслом и все такое. Плюс к этому занималась другими вещами: убирала в доме, ходила в прачечную, готовила. Пока не

наступало время идти на смену.

— На смену? — спросил детектив.

— Да. Она работала то ли в каком-то частном интернате, то ли в больнице, точно не могу сказать.

— Как вы нашли эту Сариту? Каким образом наняли?

— Этим занималась Роз. Я только сказал, хорошо бы найти ей помощницу, а искала она. Кажется, увидела объявление в Интернете, там был номер телефона. Позвонила, Сарита пришла на собеседование и понравилась ей. Вроде бы так.

— Вы уверены, что не знаете ее фамилии?

Гейнор покачал головой.

Дакуэрт подумал, что Розмари должна была внести няню в список контактов в своем телефоне. Если нет, ее номер записан где-то на бумаге. Затем ему в голову пришла другая мысль.

— Каким образом вы платили Сарите? На погашенных чеках должна стоять ее фамилия. У вас могли сохраниться несколько таких чеков.

— Мы платили ей наличными, только наличными. Строго говоря, я не уверен, что она работала здесь официально.

— Ладно. Откуда родом эта Сарита?

— Я никогда не думал, что мексиканцы едут так далеко на север, но она, возможно, откуда-то оттуда. Или с Филиппин. Но она не выглядела такой уж иностранкой. Наверное, кто-то из ее родителей был американцем. Белым американцем.

Дакуэрт промолчал, только сделал пометку в блокноте.

— Прошу прощения, я могу ошибаться, но какая разница, откуда эта Сарита? У вас есть ненормальная, которая захватила Мэтью. Вот с кем вам надо серьезно разговаривать.

— Извините, я отлучусь на минуточку, — сказал Дакуэрт.

Он вышел из столовой и знаком поздравил Гилкрайста:

— Выясни, где проживает Марла Пикенс, и опечатай дом. Чтобы ни одна живая душа туда не попала. Немедленно.

— Будет сделано, — ответил полицейский.

Детектив возвратился на свой стул в столовой. Гейнор держал в руке мобильный телефон. Он не звонил и не проверял почту. Просто смотрел на него.

— У меня такое чувство, будто я должен кому-то позвонить, — сказал он. — Только не могу сообразить кому.

— Давайте вернемся к Сарите. Вы сказали, что сегодня она должна быть здесь. Я вас правильно понял?

— Да. Я уверен: сегодня ее день, когда ей положено быть здесь с утра. И вчера тоже. Вчера она должна была находиться у нас.

— Если так, — проговорил детектив, — перед нами, мистер Гейнор, две возможности. Либо Сарита имеет отношение к убийству или что-то знает о том, что здесь произошло. Либо... — Дакуэрт секунду колебался, — сама попала в беду.

Билл Гейнор моргнул.

— О господи! Эта ненормальная Марла убила не только Роз, но и Сариту!

Дэвид

Я посадил Марлу в машину на переднее пассажирское сиденье, а сам устроился за рулем, но с места мы не трогались. Еще раньше полицейский Гилкрайст приказал мне отдать ключи. Теперь он вернулся и попросил Марлу показать водительские права. У меня сложилось впечатление, что таким образом он хотел узнать, где она живет. Что-то передал по радиации и продолжал за нами следить, чтобы мы не удрали. Агнесса отошла к растянутой поперек улицы полицейской ленте, чтобы встретить адвоката Натали Бондурант.

— Помнишь, как приезжал в хижину? — Вопрос взялся у Марлы словно из ниоткуда.

— Ба, так это было сто лет назад, — удивился я. И бывал-то я там всего с полдюжины раз, когда мне было шестнадцать или семнадцать. Или, может, восемнадцать?

Марла говорила о доме своих родителей на озере Джордж примерно в часе езды от города. И называть его хижинкой значило оказывать недобрую услугу. Это был красивый дом. Участком владели несколько поколений семьи Джилла Пикенса. Раньше там на самом деле стояла примитивная халупа с надворными постройками. Но родители Джилла все снесли и на этом месте возвели настоящий дом. Однако по традиции продолжали называть хижинкой.

Раньше, когда моя мать и Агнесса ладили лучше, чем теперь, нас несколько раз приглашали туда на выходные. Я купался, катался на водных лыжах и бороздил озеро вдоль и поперек на лодке Джилла в поисках молоденьких девиц. Марла была тогда совсем еще ребенком, лет, наверное, шести или семи.

— А я тогда на тебя запала, — тихо призналась она, упершись взглядом в колени.

— Что?

— Хотя ты мой двоюродный брат и на десять лет старше меня, ты мне понравился. Помнишь, как я за тобой повсюду ходила?

— Как тень, — кивнул я. — Стоило мне куда-нибудь собраться, и ты тоже просилась со мной.

Марла грустно улыбнулась:

— Не забыл тот случай, когда я тебя накрыла? С той, как ее там?

Я поднял на нее взгляд.

— Не понимаю, о чем ты?

— В лодочном сарае. Я туда вошла и застала тебя, когда ты обжимался с девчонкой. Ее звали, кажется, Зения или как-то так. Ты запустил ей руку под рубашку.

— Да, припоминаю. Я тогда тебя упрашивал никому не рассказывать.

Марла кивнула:

— Я тебя заставила отвезти меня в папиной лодке на парусную пристань и сводить в кафешку. Ты откупился от меня молочным коктейлем.

— Это тоже помню, — усмехнулся я.

— Надо было требовать больше, учитывая, что я для тебя сделала потом.

— Что?

— Тем же летом.

— Прости, не врубаюсь.

— Ладно, проехали. — Марла махнула рукой. — Мои воспоминания от хижинки только

хорошие. Славное место. Но больше я туда никогда не вернусь. — Она помолчала. — Это там я ее потеряла. Там я потеряла Агату.

— Агату? — повторил я.

— Я бы ее так назвала. Такое ей выбрала имя: Агата Беатрис Пикенс. Согласна, имя труднопроизносимое. — Ее глаза, еще не просохшие от плача в последние два часа, опять наполнились слезами.

— Не знал, что это произошло в том месте, — сказал я.

— В больнице тогда случилась вспышка псевдомембранозного колита, и мама решила, что мне не стоит там рожать. Правда, не хотела, чтобы кто-нибудь узнал, что она отговорила дочь лечь в собственную в больницу. Понимала, какой это вызовет эффект, если отправит меня в другое медицинское заведение в то время, как сама заявляет прессе, что у них безопасно и все необходимые меры приняты. Но мать когда-то училась на медсестру и работала акушеркой. Ты же в курсе?

— Да.

— Она сказала, что может позаботиться обо мне не хуже, чем кто-либо другой. Но чтобы не рисковать, позовет на помощь доктора Стерджеса. В хижине все для меня устроили. Я хочу сказать, что идея была неплохая — обстановка спокойная.

— Согласен.

— Мама находилась со мной, а Стерджеса держала для подстраховки. Хотела позвать, когда начнутся настоящие схватки. Она — управляющая больницей, и любой сотрудник, даже врач, прибежит, стоит ей поманить пальцем.

— Я заметил.

— Когда она решила, что роды вот-вот начнутся, послала ему сообщение, и он приехал очень быстро. Сначала все шло хорошо. Только мне было очень больно. Понимаешь, очень-очень больно. — Ее голос сорвался.

Я не знал, что сказать. Да, наверное, Марла и не хотела, чтобы я что-нибудь говорил. Ей требовалось самой выговориться.

— Мне что-то дали. Доктор Стерджес дал. Лекарство помогло — болеть стало меньше. Но затем все пошло не так, как надо. Совершенно не так. И когда Агата родилась, она не дышала.

— Причина была в пуповине? — Я мало разбираюсь в медицине, но слышал, что пуповина может стать причиной смерти плода.

Марла отвернулась и кивнула:

— Да. Я читала в Интернете: такое часто случается, но редко угрожает жизни ребенка. А мне не повезло. Я вспоминаю все, как в тумане, — то теряла сознание, то снова приходила в себя. Но никогда не забуду, до конца жизни.

— Сочувствую, Марла. Не могу представить, что тебе пришлось испытать.

— Я хотя бы смогла подержать ее на руках и видела, какие у нее чудесные пальчики. — Слезы полились у нее ручьем. — Мама сказала, что она была со мной всего пару минут, а потом им пришлось ее отобрать. У тебя есть салфетки?

Я показал на перчаточник. Марла открыла крышку, взяла три шгуки, промокнула глаза и высморкалась.

— Мама винила себя.

— Что ты хочешь сказать?

— Потом говорила, что она виновата. Если бы я рожала в больнице, было бы больше

шансов спасти ребенка. Тяжело переживала. Я знаю, она производит впечатление законченной стервы, но удар был для нее почти такой же сильный, как для меня.

— А ты?

— Что я?

— Ты ее винишь?

Прошло несколько мгновений, прежде чем она ответила:

— Нет. Все было подготовлено самым лучшим образом. Я сама со всем согласилась. И доктор Стерджес сказал, все было сделано как надо. А остальное — случайность. Если кого-то винить, то только Бога. Вот и мама говорит, что она его винит после себя.

Я кивнул.

— Я человек не религиозный. Не верю в Бога, пока не возникает нужда в чем-нибудь его упрекнуть. Ты меня понимаешь? — Марла заглянула мне в лицо.

— Думаю, что да. Хотя мне трудно разобраться, как относиться к таким вещам.

— До того как все пошло прахом, мне там было вовсе не плохо. Мама не злилась, обращалась со мной хорошо. Не осуждала, как обычно, хотя жутко бесилась, когда узнала о моей беременности. Но ближе к родам как будто смирилась.

— А отец ребенка? — спросил я. — Как он реагировал?

— Дерек?

— Да. Никогда не знал его имени.

— Дерек Каттер.

Это имя всколыхнуло память. О тех временах, когда я работал репортером «Стандард».

— Я ему сразу не сказала. А в последние недели беременности мы почти не разговаривали. Мать не хотела, чтобы мы общались. А я его, наверное, по-настоящему не любила.

— Он студент?

Голова Марлы дважды поднялась и опустилась.

— Из здешних. В общежитие колледжа, как большинство ребят, не переехал — остался жить дома. Но потом его родители расстались, дом продали, и мать куда-то уехала. Отец перебрался в квартиру, и Дерек поселился поблизости от колледжа в доме с другими студентами.

— Похоже, ему несладко пришлось.

— Да. Его отец был каким-то образом связан с садоводством, и Дерек, когда был подростком, ему помогал. Подстригал газоны, разбивал цветники и все такое. Когда дом продали, отцу Дереку пришлось снять гараж, чтобы поставить газонокосилки и прочие механизмы. Мама никогда не любила Дерек. Она считала, что мне нужен сын адвоката или владельца «Майкрософт» или «Гугл» — не меньше. Но Дерек был нормальным парнем.

— Где ты с ним познакомилась?

— В городском баре. Буквально натолкнулись друг на друга. Я приврала — скрыла, сколько мне на самом деле лет. Сказала, что недавно окончила институт, и он решил, что я всего на пару лет, а не на семь, старше его. Но мне кажется, возраст не имеет особого значения.

Зазвонил мой телефон.

— Извини.

Кто-то из дома: то ли отец, то ли мать. Но я готов был поспорить, что мать.

— Слушаю.

— Дэвид?

Я оказался прав.

— Что, мама?

— Что происходит?

— Долгая история. Сейчас не могу объяснить. Я с Марлой, и Агнесса тоже подъехала.

— Не знаю, может, ты хочешь, чтобы отец этим занялся? Я бы сама взялась, но упала с лестницы.

Я стиснул свободной рукой неподвижный руль.

— Что с тобой?

— Поднималась по лестнице, поскользнулась и упала. Ерунда. Но звонили из школы по поводу Итана.

Вот уж точно: беда никогда не приходит одна.

— Что с Итаном? Поранился?

— Вроде бы нет. Подрался с другим мальчишкой. Его привели в учительскую, а оттуда стали звонить к нам — разыскивали тебя. Ты, когда записывал его в школу, забыл дать новый номер телефона, чтобы в случае чего...

— Мама! — завопил я. — Что с Итаном?

— Тебе надо его забрать. Его отсылают домой.

Я закрыл глаза и выдохнул.

— Прямо сейчас не могу. Мне нельзя покидать место происшествия.

— Место происшествия?

— Пусть едет отец, а я потом разберусь.

— Хорошо, я ему скажу. Так что там с Марлой? Она в самом деле опять украла ребенка?

— Потом, мама.

Я разъединился, отложил телефон, наклонился вперед и уперся головой в руль.

— Неприятности? — спросила Марла.

— Наваливаются со всех сторон. Ладно, прорвемся.

Я посмотрел на дом Гейноров. В это время открылась дверь, оттуда вышел детектив Дакуэрт, бросил взгляд на мою машину и направился в нашу сторону. Но прежде его у открытого окна Марлы появилась парочка: Агнесса и Натали Бондурант.

— Все будет нормально, малышка, — ободрила Агнесса дочь. — Ничего не бойся.

Дакуэрт попросил их отойти в сторону.

— Марла Пикенс? Будьте добры, выйдите из машины.

— Ей нечего сказать, — заявила Агнесса и захлопнула дверцу машины, которую Марла начала было открывать.

— Миссис Пикенс, — обратилась к ней адвокат, — позвольте мне. Привет, Барри.

— Привет, Натали, — отозвался детектив.

— Я представляю Марлу Пикенс. Боюсь, что в данное время она не будет отвечать ни на какие вопросы.

Дакуэрт устало посмотрел на нее.

— Я расследую убийство, и мне необходимо кое-что спросить.

— Я принимаю это к сведению. Но сейчас моя клиентка в шоке и не способна осмыслить ваши вопросы.

— И когда же, по-вашему, клиентка обретет такую способность?

— Не готова сказать.

— Будет она говорить или нет, ровно через час привезите ее в управление.

— Ей нечего будет сказать.

— В таком случае она будет в управлении молчать.

Теперь Агнесса сама открыла дверцу, взяла дочь за руку и помогла вылезти из машины. С Натали по одну сторону и Агнессой по другую Марла направилась прочь по улице, оставив меня одного.

Дакуэрт посмотрел на меня в открытую дверцу.

— У вас тоже есть адвокат?

— Пока нет.

Он бросил взгляд в багажник.

— Откуда у вас коляска?

— Она принадлежит Гейнорам.

— Вот еще новости. Откройте багажник.

Я вышел из машины и поднял дверцу. Потянулся за коляской, но детектив перехватил мою руку.

— Не прикасайтесь. Вы ее трогали?

— Да.

Детектив вздохнул.

— Давайте-ка поговорим.

— Ты уверен, что не против, чтобы я с тобой таскался? — спросил Уолден Фишер.

— Все нормально, — ответил Дон Харвуд. — Мне надо только заехать в школу, забрать внука и отвезти домой. — Он спустился по ступеням и направился к своей голубой «краун-виктории», которой владел всю жизнь. — Забирайся.

Когда Фишер открывал дверцу, она скрипнула.

— Надо смазать, — буркнул Дон.

— Внук заболел?

— Нет. Вроде сцепился с другим парнем.

— Он в порядке?

— Звонили не из больницы. Надо понимать, это уже хорошо. Я считаю, что драки ребят закаляют и время от времени ему подраться полезно. Сейчас заберу его из школы, заброшу домой и пойдем пить кофе. Только проведу, как там Арлин.

— А с ней что?

— Пропахала лестницу и ушибла ногу. Хочу убедиться, что с ней все в порядке.

Уолден понимающе кивнул. Выезжая на улицу, Дон покосился на пассажира, и ему показалось, что лицо Фишера подернулось грустью.

— Арлин мне сказала, она прочитала в газете о...

— О Бет?

— Да. Не мог вспомнить ее имени. Сказала, что она недавно скончалась.

— Девять недель назад от рака.

— Сочувствую. — Дон не знал, как еще выразить соболезнование. Такие вещи ему плохо удавались. — Не помню, были мы знакомы или нет.

— Встречались сто лет назад на рождественской вечеринке. Другое было время. Бет совсем изменилась, так и не стала прежней.

— После того как узнала свой диагноз?

Уолден покачал головой:

— И это тоже. Но я сейчас о другом: после того, что случилось с Оливией.

Этой темы Дон касаться боялся. Он, в отличие от жены, не просматривал газетные некрологи, но в городе не было ни одного человека, кто бы не знал, что произошло с Оливией. По прикидкам Дона, в этом месяце как раз исполнилось три года с того случая. Двадцатидвухлетнюю девушку зарезали в парке в нескольких шагах от подножия водопада, который дал имя городу.

Молодая красивая Оливия только начинала жить. Недавно окончила Теккерей-колледж и получила диплом специалиста по защите окружающей среды, устроилась на работу в Океанографический институт в Бостоне, где занимались проблемами сохранения морской флоры и фауны, и собиралась выйти замуж за местного парня.

Мир ждал, чтобы она сделала его лучше.

Преступление не раскрыли и никого не арестовали. Городскую полицию укрепили оперативниками полиции штата, даже прислали специалиста из ФБР, но выйти на след убийцы не удалось.

Дон смутился, не зная, что сказать. И не нашел ничего более подходящего, чем:

— Какой удар для Бет... но и для тебя тоже.

— Да, — ответил Уолден. — Но я в итоге вернулся к работе. Жизнь заставила, не было иного выбора. От горя никуда не деться, но понимаешь, как это происходит: во что-то окунаешься и действуешь как на автопилоте. Механически.

— Да, конечно. — Дон кивнул, хотя вовсе не был уверен, что до конца понимает собеседника. Может быть, Дэвид понял бы — несколько лет назад сыну тоже крепко досталось с его покойной женой Джан.

— А Бет была домоседкой. Брала случайную работу на дом. Когда дочь была маленькой, занималась с ней, выходила только по делам. Но лет с десяти Оливии больше не требовалась ее опека. Когда все случилось, я уходил на работу, а она оставалась одна с призраком дочери. Доказать не могу, но думаю, что от этого она и заболела. Была настолько подавлена, что это ее отравило. Как думаешь, такое возможно?

— Наверное, — ответил Дон.

— Вик смерть Оливии тоже перенес тяжело. Может, даже тяжелее, чем я.

— Вик?

— Извини. Я думал, что каждому известны детали нашей истории. Виктор Руни — наш несостоявшийся зять. Они должны были пожениться через три месяца. Вик погрузился в тяжелейшую депрессию. Сильно запил. Бросил колледж, не получив диплома инженера-химика. Пошел работать в пожарную охрану. Но пил все больше и больше. Учитывая обстоятельства, ему помогали, как могли. Пару раз посылали на реабилитацию — лечиться от алкоголизма, но он так и не взял себя в руки. В итоге его то ли выгнали, то ли он сам уволился, и не знаю, нашел ли другую работу. Как-то видел его за рулем фургона. Жалко. Хороший парень. Потом встретил на станции водоочистки, куда он устроился на лето.

[Купить полную версию книги](#)

---

notes

Сайты электронных объявлений, пользующиеся популярностью у американских пользователей Интернета. — *Здесь и далее примеч. пер.*